

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

*Материалы постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 1 (31)

Москва
Научный эксперт
2010

УДК 351(470+571)

ББК 67.401

П 78

Научный руководитель семинара:

В.И. Якунин, доктор политических наук

Соруководители семинара:

А.И. Соловьев, доктор политических наук, профессор;

С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук, профессор

П 78 Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара. Вып. 1(31). **О типе современной модели России: реконструкция облика и причинности.** — М.: Научный эксперт, 2010. — 96 с.

ISBN 978-5-91290-096-9

УДК 351(470+571)

ББК 67.401

ISBN 978-5-91290-096-9

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2010

Содержание

Тема семинара

О типе современной модели России:
реконструкция облика и причинности 5

Доклад

С.Г. Кара-Мурза. Доктрина и результаты реформы
1990-х годов 5

Вопросы к докладчику и ответы 30

Выступления

В.Н. Якимец. Очень хочется конструктива 42

Н.Н. Клюев. Советские «матрицы» в несоветской
среде 46

С.С. Сулакшин. Современная модель России —
системно ошибочна 51

М.В. Вилисов. Мы приходим к пониманию того,
что не знаем общество, в котором живем 55

Г.П. Воронин. Надо подумать
об обороноспособности России 57

В.Э. Багдасарян. Три доктринальных компонента
русского реформирования 59

П.В. Касьянов. Удастся ли России продержаться, сохранив свою идентичность и цивилизационную целостность	62
Ю.А. Плакиткин. Существующая конструкция госуправления в сложившихся условиях тормозит развитие экономики страны	64
В.Б. Исаков. Каждому перевороту предшествуют сдвиги в человеческом мышлении	66
А.В. Кашенов. Четвертая революция и четвертая реформа.....	69
Р.И. Нигматулин. Ресурсы необходимо сконцентрировать на важнейших направлениях государственной деятельности	73
Ф.Ф. Пащенко. Нет богатых и бедных стран, есть хорошее и плохое управление.....	75
А.И. Соловьев. Идеология и наука — это разные форматы теоретических интерпретаций.....	78
Заключительное слово докладчика	85
Тематическая программа научного семинара	92
Список постоянных участников научного семинара	93

Тема семинара

О типе современной модели России: реконструкция облика и причинности

Доклад

Доктрина и результаты реформы 1990-х годов

С.Г. Кара-Мурза,
доктор химических наук

В 1988–1991 гг. происходил выбор доктрины реформирования хозяйства и социальной сферы СССР (и РСФСР).

Главная идея «консервативной» части экономистов, социологов и криминалистов состояла в увеличении разнообразия советской системы и создании новых («рыночных») структур путем «наращивания» их на существующую основу. «Радикальные» реформаторы предлагали осуществить **слом** практически всех систем советского жизнеустройства, обеспечить политическими средствами необратимость их демонтажа и построить рыночные системы производства и распределения по образцу «западных» (конкретно, англосаксонских). Общественного диалога, парламентских и даже академических дебатов относительно выбора альтернативных доктрин не было.

Было принято политическое решение о выборе **радикальной** доктрины, ее реализация в полной мере началась после ликвидации СССР. В РФ первый этап реформ (либерализация цен, ликвидация колхозно-совхозной системы и приватизация промышленности) был проведен с начала 1992 г. правительством под руководством Е.Т. Гайдара. В 1995–1996 гг. был осуществлен второй цикл приватизации

в виде залоговых аукционов, в ходе которого сформировался крупный капитал «олигархов».

С первых же шагов реформы стали оправдываться пессимистические прогнозы, сделанные в 1989–1991 гг. на основе теоретического анализа, математического моделирования сценариев реформы, исторического опыта России, а также опыта аналогичных реформ, проводимых по программе МВФ в Латинской Америке и Польше.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов, я сделаю маленькое отступление в сферу сознания. У очень многих в среде интеллигенции в поздний советский период возникло две аберрации. СССР на входе в реформу воспринимали как развитое и зрелое индустриальное общество. На деле же полномасштабная индустриализация началась лишь в 1950–1960-е гг., так что «промышленное» достояние страны было только-только создано.

Возьмем самую прибыльную отрасль — добычу газа. В современном виде она была создана всего за 15 лет до начала реформ.

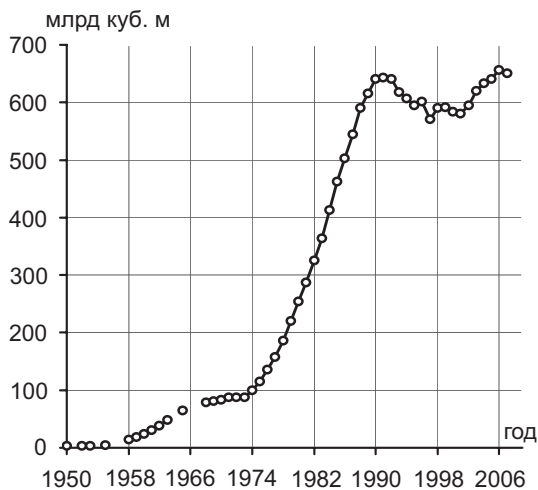

Рис. 1. Добыча газа в России

Вторая аберрация — непонимание того, какого масштаба удар нанесла реформа 1990-х гг. по *структурам цивилизации* России. Говорят о кризисе, о спаде, а реально речь идет о разрушении, какое случается лишь в тотальных войнах.

Рассмотрим пример очень большой, системообразующей отрасли — тракторостроение.

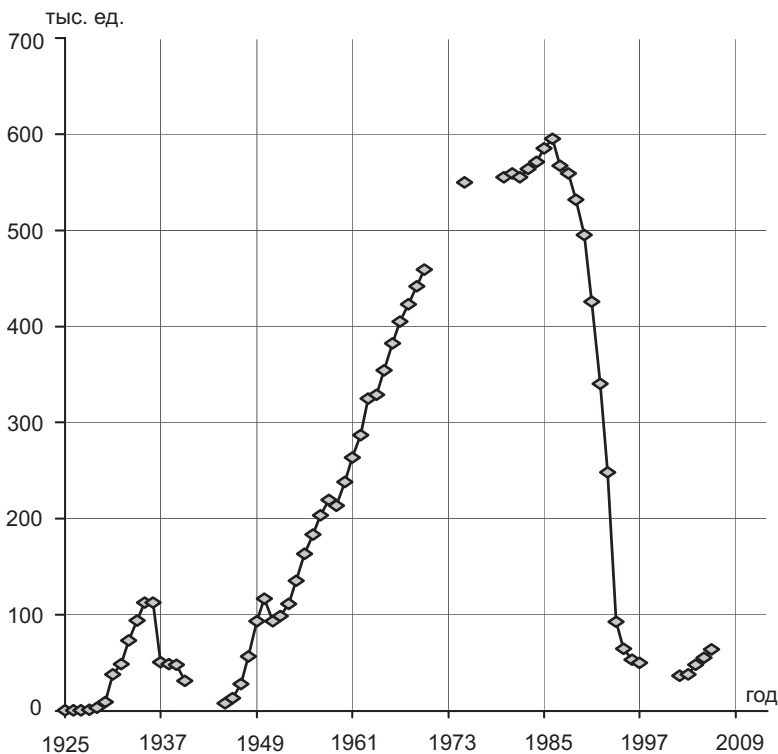

Рис. 2. Производство тракторов в СССР (и СНГ)

Советское тракторостроение «вошло в силу» в 1960-е гг., а в первый же год реформы было уничтожено. Хвостик последнего десятилетия — то, что удалось восстановить в Белоруссии.

За 1991–2007 гг. недоложения средств в основные фонды страны составили колоссальную сумму — более 3 трлн долл. (относительно уровня инвестиций 1990 г.). Этот провал еще долго не удастся закрыть.

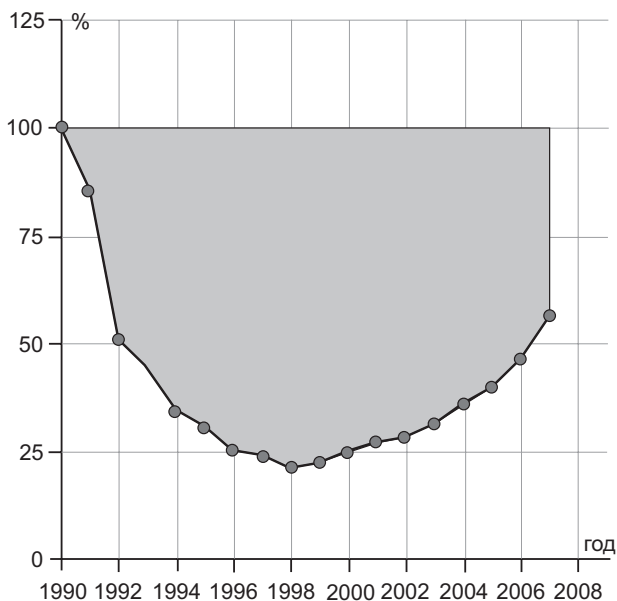

Рис. 3. Изъятие инвестиций в основной капитал за 1991–2007 гг. составило 3 трлн долл. (курс декабря 2005 г.)

Уже из этих рисунков видно, что мы переживаем великие события, небывалый эксперимент. Производственная система России к середине 1980-х гг. только-только вышла на хороший уровень технологии, интенсивности, квалификации. Она еще не устоялась, не была понята и не показала своего потенциала, но уже стала объектом радикальной перестройки и демонтажа.

Надо взглянуть в ход этого эксперимента поверх идеологических и политических установок. От его понимания зависит дальнейший ход событий в России.

Главными результатами реформ к 1998 г. стали:

- деградация государства, невозможность выполнения им ключевых функций; разрушение системы властных отношений, распад структуры политической власти, резкое ухудшение управляемости государством и общественными процессами; кризис легитимности;
- глубокий спад производства и быстрая деградация производственной базы — деиндустриализация страны, демодернизация сельского хозяйства; резкое сокращение инвестиций во все основные фонды России;
- резкое расслоение общества по доходам и доступу к жизненным благам, образование аномальной социальной системы, несовместимой с требованиями воспроизводства страны и населения;
- тяжелая культурная травма населения РФ и демографическая катастрофа;
- распад системы межнационального общежития, инверсия этнического сознания нерусских народов от «русоцентричного» к «этноцентричному»; резкое ослабление связности русского народа; расслоение регионов и усиление дезинтеграции России как целостности;
- архаизация жизни большей части населения, криминализация общества и экономики, становление коррупции нового типа; возникновение и воспроизводство массивного социального «дна» небывалого для России типа («дно атомизированного общества»);
- деградация систем жизнеобеспечения (ЖКХ, инфраструктура) и социальных служб (здравоохранение, школа); ухудшение здоровья населения и снижение качества кадрового потенциала; утрата национального научного потенциала, регресс культуры;
- массовая утрата навыков рационального мышления, патология системы потребностей, деградация системы человеческих отношений.

В количественных терминах динамика этих процессов представлена на графиках.

Результатом указанных сдвигов в государстве и обществе стало резкое изменение *системы угроз*, перед которыми оказалась Россия. Они усугубляются инерцией «советского» мышления, присущего стабильным ситуациям. Власть и общество в целом следуют неадекватной «карте угроз», неверно оценивают ее динамику, запаздывают в предвидении критических точек. Попытки использования методов западной «кризисологии» малоуспешны ввиду существенно иной природы постсоветского общества и необычности возникшего в России кризиса. Интеллектуальное обеспечение власти и управления резко ослаблено распадом российского обществоведения и негодным типом взаимодействия политической системы с наукой.

После кризиса 1998 г. легитимность политического порядка упала до критического уровня, вследствие чего была проведена замена властной бригады. С 2000 г. начался новый период, который характеризовался постепенной стабилизацией положения в экономике, социальной сфере и в сфере общественного сознания.

Перейдем к оценке состояния дел в настоящий момент, слегка осложненный финансовым кризисом.

В принципе, верховная власть РФ в 2000 г. встала перед выбором: преодолевать разрушительные последствия реформы 90-х гг. посредством радикальных преобразований или путем постепенных, шаг за шагом, изменений. Был избран *второй* путь. Это решение вызвало серьезную критику и слева, и справа — по разным основаниям. Однако это был разумный выбор, и он был высоко оценен большинством общества — именно как верное фундаментальное решение. Этим прежде всего и определялся высокий авторитет В.В. Путина.

Состояние страны по истечении десяти лет «осторожного торможения» можно определить как *неустойчивое равновесие*. Процессы быстрого разрушения действительно затор-

можены. Общественное сознание выведено из культурного шока, в котором оно находилось в 90-е гг. Стали заметно увеличиваться доходы граждан, сокращаться масштабы бедности. Острые *срочные* угрозы внутри страны и в международных делах были преодолены или смягчены.

Однако неустойчивое равновесие — ситуация с высоким уровнем риска. Оно может быть сдвинуто, а ситуация дестабилизирована при помощи небольших усилий, направленных в нужный момент в верно найденную критическую точку. Поэтому и после 2000 г. предпринимались попытки дестабилизации, а в общественном сознании не раз возникали тревожные ожидания. По мере накопления опыта и экономических возможностей государства операции «новой холодной войны» срывались более эффективно, однако возможности применения в них против России новых средств и сценариев далеко не исчерпаны. Очень многие системы РФ уязвимы и не могут быть надежно защищены в нынешней социокультурной обстановке.

Назовем главные, на наш взгляд, причины неустойчивости состояния России и угрозы, которые находятся в стадии вызревания и при сохранении нынешних тенденций будут реализованы в среднесрочной перспективе.

1. При проектировании реформ 1990-х гг. был допущен ряд фундаментальных ошибок (отягчающие обстоятельства криминального характера здесь не рассматриваем). Из политических (и геополитических) соображений была предпринята попытка демонтажа и переделки всех больших технико-социальных систем, созданных (в их завершенной форме) в советское время. Эти системы — «матрицы», на которых воспроизводится страна. К ним относятся — промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ, армия, школа и т. д.

Эти «матрицы» складываются *исторически*, а не доктринально. Все эти системы в России *самобытны*. Их элементы отбирались из разных вариантов в соответствии с природными и культурными условиями, доступными ресурсами, исто-

рическими обстоятельствами России. Попытки заменить их «импортными» системами ведут к большим издержкам и социальным травмам, а по большей части не удаются.

Советские матрицы были продуктом длительной эволюции российских систем. Их радикальная замена должна была заведомо привести к экономической и социальной катастрофе. На деле оказалось, что за 1990-е гг. не удалось переделать по «западным чертежам» **ни одной** большой системы. Но при этом все они оказались повреждены, деформированы или почти разрушены.

Делались попытки создать альтернативные системы (например, частное здравоохранение, контрактную армию, автономное теплоснабжение) *рядом* со старыми. В общем, эти попытки не имели успеха.

Таким образом, оказалось невозможным заменить старые системы-матрицы новыми, «рыночными». Жизнеустройство России продолжает опираться на унаследованные от прошлого системы. Однако в новых хозяйственных условиях оказалось также невозможным *содержать* и эффективно использовать эти старые системы, и они деградируют, вырабатывая остаток ресурса.

Запас прочности главных технических систем, унаследованных от СССР (энергетики, транспорта, инфраструктуры ЖКХ), оказался гораздо большим, чем предполагалось в 1991 г., однако оценить остаток их прочности очень трудно.

Саяно-Шушенская ГЭС — это звезда *Полынь*, взошедшая над Россией.

Акт Ростехнадзора о причинах аварии фиксирует невероятный факт: «По данным анализа архивов АСУ ТП, проведенного в период с 21.04.2009 до 17.08.2009, наблюдался относительный рост вибрации турбинного подшипника ГА–2 примерно в 4 раза, что отражено графически».

Из графика видно, что максимальные значения вибрации превысили *допустимый уровень* в мае — через месяц после ремонта, а средние значения пересекли «красную черту» в

июне. Уже 7 июля вибрация временами превышала допустимый уровень в три раза!

Приведем этот график, в который следует взглянуть всем гражданам Российской Федерации.

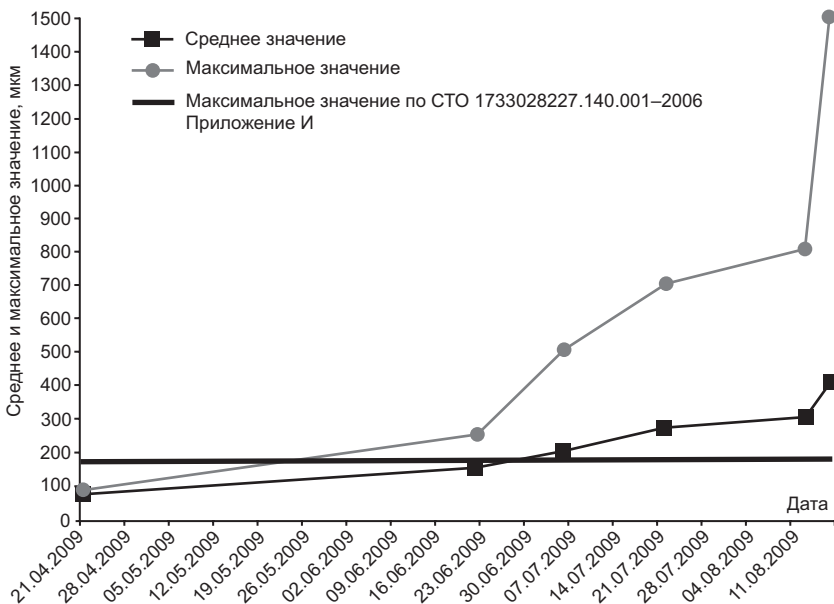

Рис. 4. Вибрация подшипника турбины второго гидроагрегата СШГЭС с момента окончания ремонта до аварии

Но возьмем примеры помягче. Вот самая рентабельная отрасль — *нефтедобыча*. После приватизации отрасли новые собственники получили полностью обустроенные месторождения, находящиеся на пике их продуктивности, укомплектованные квалифицированными кадрами. Отрасль не имела затруднений со сбытом продукции и финансовых проблем. Однако в новых экономических условиях было почти полностью свернуто разведочное бурение на нефть, а производительность труда в нефтедобыче упала **в четыре раза** (рис. 5, 6).

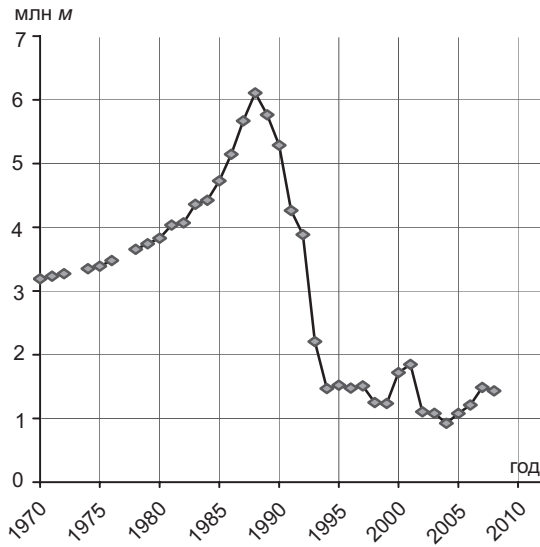

Рис. 5. Глубокое разведочное бурение на нефть и газ

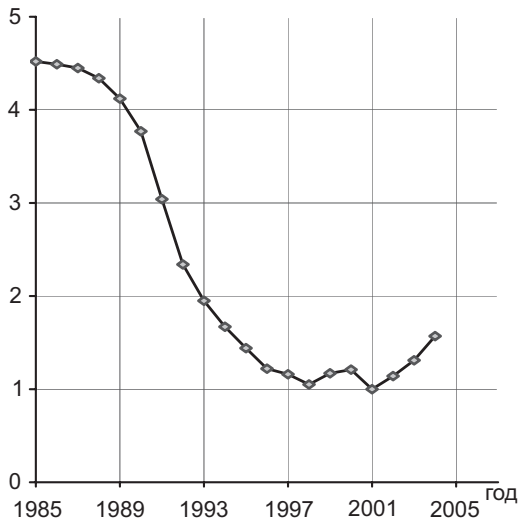

Рис. 6. Производительность труда в нефтедобывающей промышленности России, тонн добытой нефти на одного занятого

Сходное положение в энергетике. В этой высокотехнологичной и хорошо организованной отрасли производительность труда упала в два раза, хотя никаких неблагоприятных воздействий природного или техногенного характера отрасль не испытала.

В российском жизнеустройстве возник порочный круг (и даже система порочных кругов) такого масштаба, что ее можно считать *исторической ловушкой*.

2. Большие технические системы, которые в стабильном режиме считаются частью экономики, по достижении порогового износа становятся источниками опасности. Их содержание превращается в проблему *государственной безопасности*. Примером источника очевидной опасности могут служить аварийный жилой дом или изношенная до предела магистраль теплоснабжения.

Износ больших систем представляет собой **массивный неумолимый процесс**. Надо ввести в науку это понятие — шаги *Каменного гостя*.

Этот процесс до сих пор не только не остановлен, но даже не замедлен в заметной степени. Тот факт, что заблокировать его не удалось даже при чрезвычайно благоприятной для РФ конъюнктуре на нефтяном рынке, говорит о фундаментальном характере этой угрозы.

Например, для содержания в нормальном состоянии жилищного фонда РФ *ежегодно* должен проводиться капитальный ремонт 4–5% фонда. Однако в течение последних 12 лет ремонтируется около 0,2% городского жилищного фонда в год — т. е. в 20 раз меньше необходимого. Накопленное отставание огромно, и теперь оплатить ремонт не под силу ни государству, ни населению. В России нарождается *цивилизация трущоб*.

На рис. 7 показана динамика износа *промышленного оборудования*. Мы видим, что значительные финансовые поступления от продажи нефти совершенно не сказались на темпах старения.

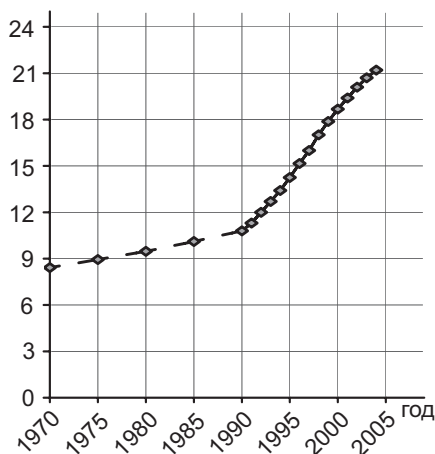

Рис. 7. Средний возраст производственного оборудования в промышленности России, лет

Особенно неуклонно продолжается выбытие основных фондов сельского хозяйства — посевных площадей, скота и техники. Посевные площади за годы реформы сократились на 44 млн га — более чем на треть.

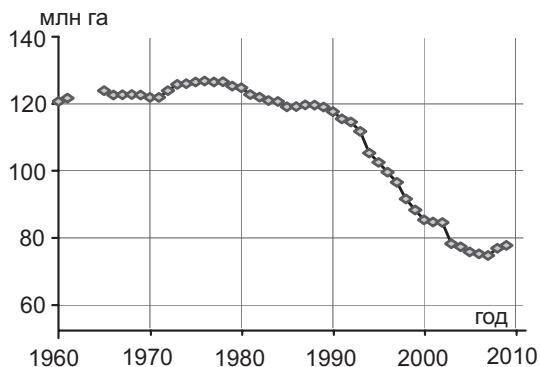

Рис. 8. Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в России в хозяйствах всех категорий

Главная интенсивная отрасль сельского хозяйства высокого передела — животноводство. На рис. 9 представлена динамика поголовья крупного рогатого скота в России. Здесь вся история России XX в. — войны, революции, коллективизация и нынешняя реформа. За годы реформы поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в три раза.

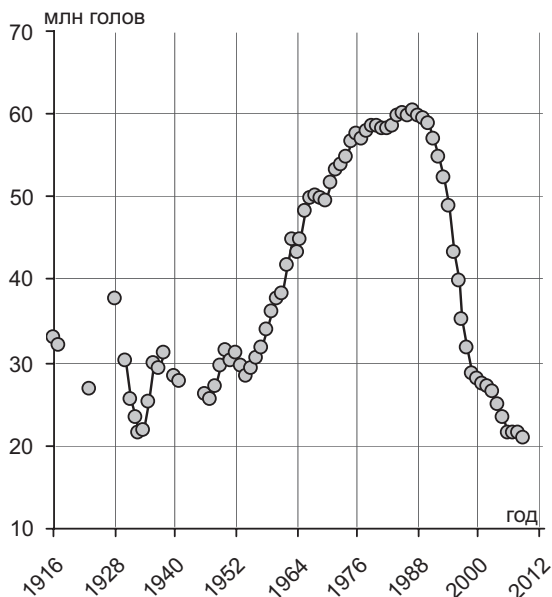

Рис. 9. Поголовье крупного рогатого скота в России

Износ основных фондов сельского хозяйства не прекращается вследствие глубокого спада инвестиций (рис. 10). На графике видно, что приоритетный национальный проект в области сельского хозяйства почти нисколько не повлиял на динамику инвестиций в основные фонды.

Резко и неуклонно сокращается тракторный парк. Следует напомнить, что колхозы и совхозы вполне обходились 11-ю тракторами на 1000 га пашни, а средневропейская норма для фермеров в 10 раз выше — 110–120 тракторов. Во

сколько же обошлась бы России замена колхозов фермерами, если бы она произошла в полном масштабе? В ценах 2008 г. — в 1,3 трлн долл.¹

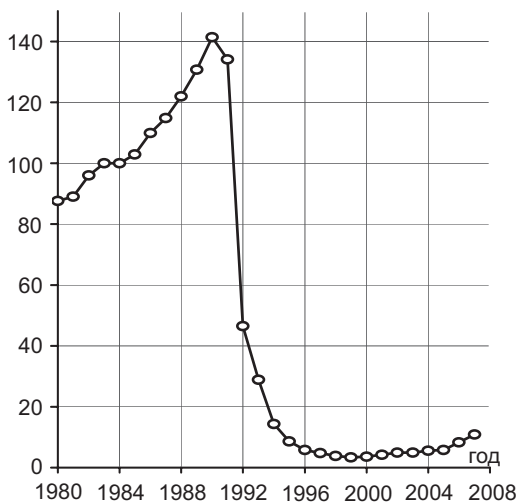

Рис. 10. Индексы инвестиций в основной капитал сельского хозяйства РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1984 г. = 100)

Практически во всех случаях ассигнования на поддержание больших систем *несоизмеримы* с масштабами и темпом их износа. Никакой социальный субъект в РФ не может мобилизовать средства, достаточные для восстановления и содержания больших систем в условиях хозяйствования, которые были созданы в 1990-е гг.

Угроза является общенациональной и очевидной, однако Правительство ни разу не изложило обществу програм-

¹ Для обработки 134 млн га пахотных земель, которые использовала Россия до реформы, фермерам надо купить 16 млн тракторов. В 2008 г. средняя цена трактора в России составляла, по данным Росстата, 2,018 млн руб. или 84 тыс. долл. Значит, на приобретение нужного числа тракторов надо затратить около 1,3 трлн долл.

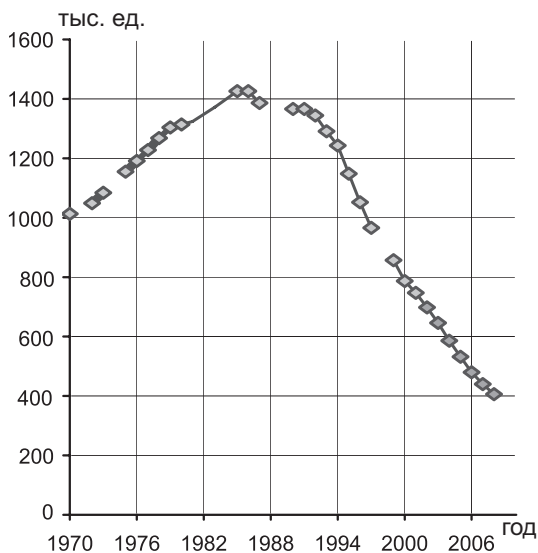

Рис. 11. Парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях России

му действий по ее преодолению или смягчению. Возрастает риск того, что отказы больших систем войдут в режим самоускорения, и начнется лавинообразный цепной процесс разрушения техносферы России. Само молчание Правительства об этой угрозе и возможных действиях по ее предотвращению порождает тревогу в обществе.

3. Россия приобретает черты «двойного» общества — анклавы современного производства и быта все более резко отделяются от пространства, в котором обитает большинство. Его бытие испытывает *архаизацию* как способ выживания при остром дефиците жизненных благ. Здесь складываются теневые и криминальные уклады хозяйства, производство утрачивает индустриальные и наукоемкие черты. Расслоение регионов по образу жизни стабилизировалось на таком уровне, что страна разделилась на разные цивилизационные ниши, что создает объективную основу для сепаратизма.

Идет отток населения из ряда регионов, Россия «уходит» с Дальнего Востока и Севера.

Россия переживает период небывалой **деиндустриализации**. Промышленность страны теряет рабочих: за 1991–2000 гг. их число сократилось на 10,3 млн чел. (рис. 12).

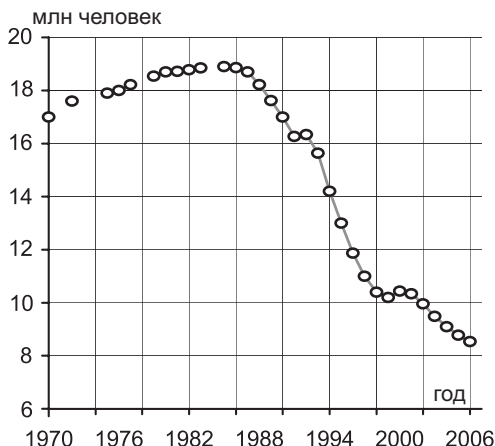

Рис. 12. Численность рабочих, занятых в промышленности России

Неуклонно сокращается и подготовка кадров квалифицированных рабочих (рис. 13). Система профессионального обучения готовит в основном персонал для сферы обслуживания. В 2008 г. в РФ было подготовлено всего 600 рабочих для химической промышленности.

К тому же идеологическое воздействие на молодежь сделало за годы реформы статус промышленного рабочего почти неприемлемым для молодых людей: сегодня лишь 3–4% старшеклассников ориентированы на получение рабочих профессий.

Отчетливее всего архаизация видна на селе, которое «отступило на подворье». Люди уходят из сельского хозяйства: только за 2000–2007 гг. оно потеряло 2,8 млн (60%) работников. За годы реформы число организованных в предприятия работников сократилось катастрофически (рис. 14).

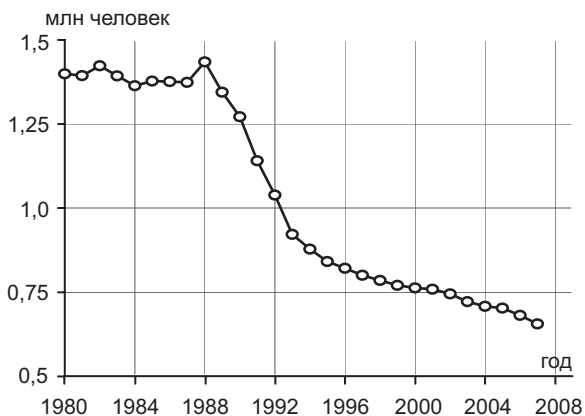

Рис. 13. Выпуск квалифицированных рабочих в системе начального профессионального обучения

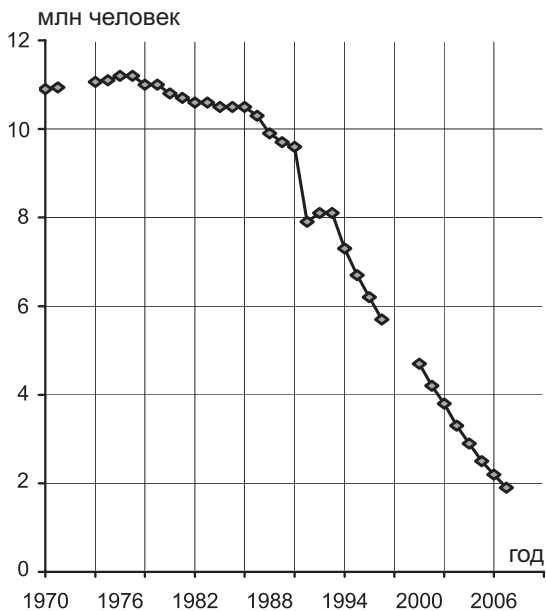

Рис. 14. Число работников в сельскохозяйственных организациях России

Красноречива динамика сокращения производственного потребления электроэнергии, что может служить мерой архаизации хозяйства (рис. 15).

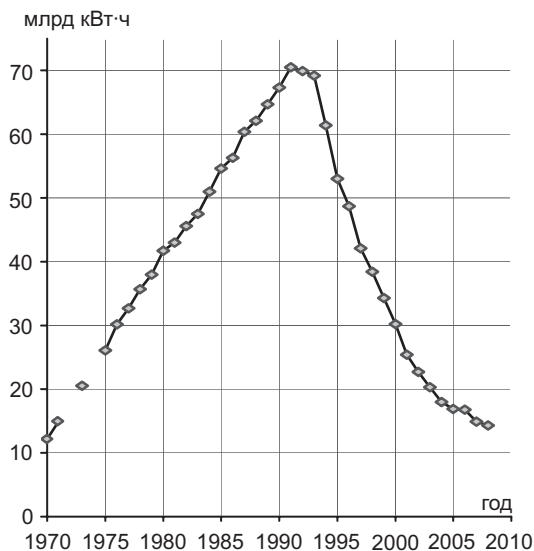

Рис. 15. Потребление электроэнергии на производственные цели в сельскохозяйственных предприятиях России

Эта мера подтверждается и уровнем оплаты труда в сельском производстве (рис. 16).

Снижается потребление энергоносителей в производстве в целом. Сравним с 1985 г. Тогда в РСФСР было добыто 542 млн т нефти, а вывезено (за вычетом ввоза) 185,3 млн т сырой нефти и нефтепродуктов. Таким образом, в РСФСР **для внутреннего потребления** в 1985 г. осталось 356,7 млн т нефти или **по 2,51 т на душу населения**. В 2008 г. добыча нефти составила 488,5 млн т, на экспорт было отправлено 361 млн т, в РФ осталось для собственного потребления 127,5 млн т нефти или **0,9 т на душу населения** — лишь 36% от того, чем располагал житель РСФСР в 1985 г.

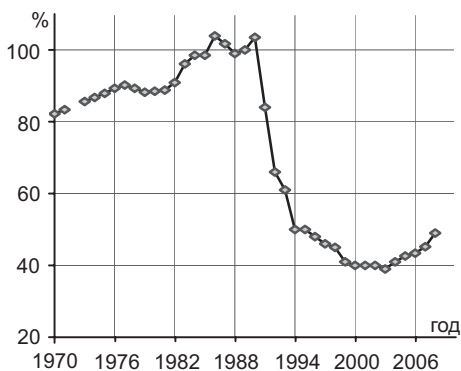

Рис. 16. Средняя зарплата в сельском хозяйстве в % от средней зарлаты по всем отраслям народного хозяйства России

Размывается и профессиональная общность — *интеллигенция*. Она замещается полупрофессиональной общностью «офисных работников» (рис. 17).

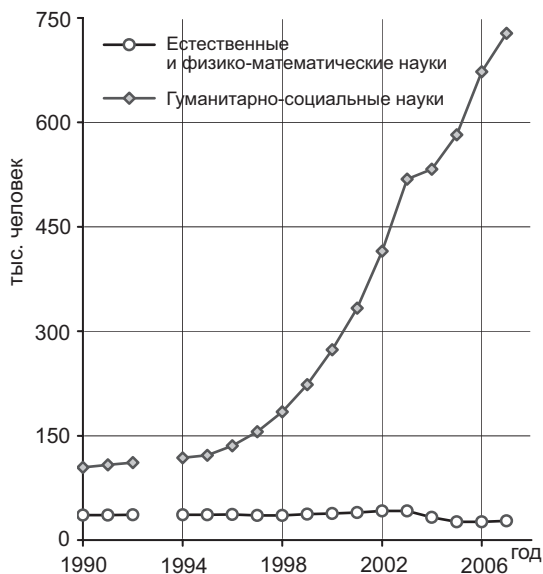

Рис. 17. Выпуск специалистов вузами России

4. Не удалось смягчить аномальное для промышленной страны расслоение общества по доходам и типам потребления. В значительной степени ухудшилось питание примерно половины населения РФ; стабилизируется на очень высоком уровне доля рожениц в состоянии анемии и доля детей, родившихся больными (рис. 18, 19).

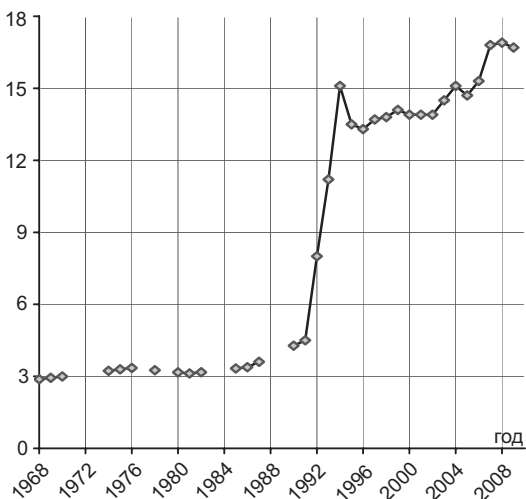

Рис. 18. Расслоение общества по доходам: фондовый коэффициент дифференциации

Таким образом, «замораживание кризиса» и стабилизация общества после 2000 г. не означают, что удалось блокировать массивные процессы деградации, запущенные в ходе «революции регресса» 1990-х гг. Чтобы остановить их маховик, требуется целая система *целевых программ*, но для их разработки и осуществления пока не готовы ни экономическая, ни политическая системы.

Сохраняется социальная аномалия — застойная бедность работающих граждан, в том числе квалифицированных работников. Социальное «дно» России перешло в режим самовоспроизводства, так что реинтеграция его обитателей в

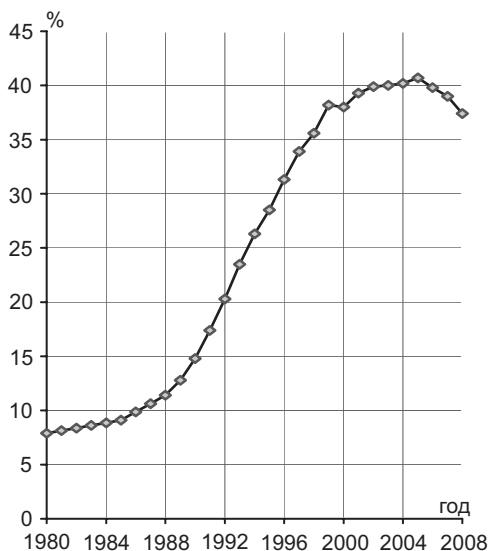

Рис. 19. Состояние здоровья новорожденных в России: число детей, родившихся больными или заболевших в первые пять дней жизни, в % от числа родившихся

общество уже не может быть достигнута экономическими средствами, необходимо осуществление сложной программы реабилитации.

5. Реформа 1990-х гг. проводилась в условиях открытой конфронтации с подавляющим большинством населения, вопреки его интересам и представлениям о справедливости. Возникшее социальное противостояние приобрело характер холодной гражданской войны. Новые отношения собственности и типа распределения национального богатства не получили легитимации ни в массовом сознании, ни в сознании самих собственников.

Это породило общее ощущение *временности* нового общественного порядка, превратило жизнь в России в вечный переходный период. Следствием стали длительный культур-

ный кризис, атомизация общества, тяжелые социальные болезни и массовое девиантное поведение (алкоголизм, наркомания, преступность).

Резкое обеднение населения и пережитая в 1990-е гг. культурная травма вызвали демографическую катастрофу. Прогнозы ее последствий неблагоприятны.

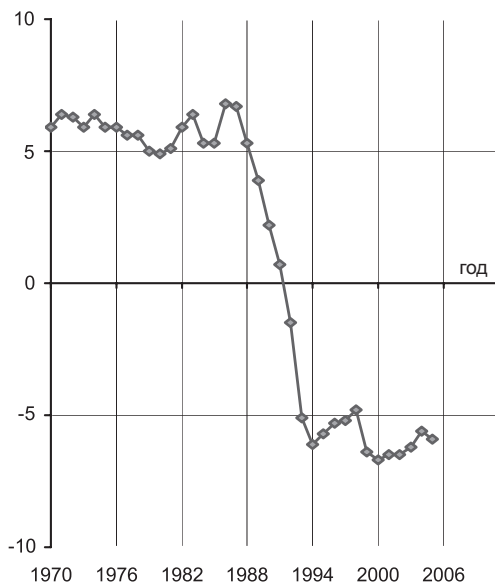

Рис. 20. Естественный прирост (убыль) населения (на 1000 чел.)

Общество переживает глубокий культурный кризис, который, в частности, проявляется в патологической деформации системы потребностей. В 90-е гг. в Россию были импортированы и навязаны культурными средствами потребности, присущие западному обществу потребления. Они были приняты в условиях резкого спада производства, когда Россия не имела ресурсных возможностей для их минимального удовлетворения без проедания основных фондов. Возникла аномальная ситуация: в стране сокращается тракторный парк и одновременно производятся массовые закупки иностранных автомобилей.

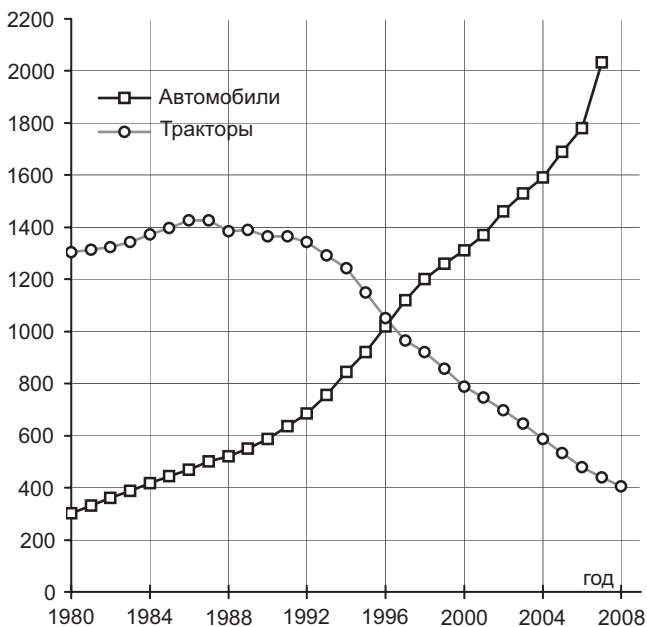

Рис. 21. Число легковых автомобилей (на 10 тыс. чел.) и парк тракторов (тыс. ед.) в России

Важным следствием стала также невозможность запустить низовой, «молекулярный» процесс конструктивного использования новых экономических и социальных условий, потенциально создаваемых реформой, — прежде всего процесс создания малых производственных предприятий и крестьянских хозяйств. Более того, этот процесс на практике подавлялся сверху, т. к. в условиях разлитой в обществе враждебности к реформе все надежды возлагались на крупный капитал и иностранные инвестиции.

Фигура В.В. Путина, символические действия власти (типа «дела ЮКОСа» и удаления Гусинского), направление части нефтедолларов на смягчение социального бедствия — все это сняло острый стресс общества, обеспечило *граждан-*

ское перемирие. Но этих действий было недостаточно для установления *гражданского мира*. Общественный диалог не состоялся, не было достигнуто приемлемого для противостоящих групп компромисса.

Здесь сокрыта суть того выбора, перед которым стоит верховная власть России в ее новой конфигурации. Гражданский мир в стране, консолидация общества и преодоление кризиса легитимности невозможны без явного прекращения развязанной в 90-е гг. холодной гражданской войны. Для этого необходимы открытый диалог на языке не идеологических, а однозначных («абсолютных») понятий, ясное целеполагание и изложение «образа будущего», приемлемого для обеих сторон социального конфликта. Полезна и фиксация достигнутого компромисса в виде формального пакта с выработкой механизма отслеживания его соблюдения.

До сих пор власти не шли на такой диалог ввиду организационной и политической слабости несогласного большинства. Но эта слабость, измеренная инструментами западной социологии, обманчива. Молекулярное «нецивилизованное» сопротивление реформам обладает большой силой. Противостояние при установившемся равновесии сил истощит ресурсы России, ослабит до критического уровня ее целостность и приведет к ее угасанию как самостоятельной культуры. Системный кризис затянулся сверх меры, необходимо срочное стратегическое решение.

Точечная анестезия в виде вливания небольших сумм денег в болевые точки системы имеет ограниченный ресурс. После его исчерпания кризис вырвется из-под контроля с удвоенной силой.

6. Сказанное выше — констатация фактов, которые сегодня можно считать достаточно надежно установленными. Из них не следуют рекомендации к принятию тех или иных решений, поскольку политические решения всегда выводятся из нравственных ценностей, а относительно ценностей в современной России общество расколото. Однако методоло-

гия обществоведения позволяет дать рекомендации по структуре *процесса* подготовки решений. Методология позволяет выявить ограничения, в рамках которых будет происходить реализация того или иного решения, представить весь набор возможных альтернатив и формализовать критерии для оценки предпочтительности того или иного варианта. Все это позволяет принимать ответственные решения более рационально, предвидя неизбежные и вероятные издержки и побочные негативные последствия. Любой вариант выхода из современного кризиса России потребует массовых чрезвычайных усилий и высокой социальной цены. Чем более сознательным и продуманным будет решение, тем меньшим будет масштаб страданий, которые лягут на плечи населения.

В качестве первого шага в направлении рационализации подготовки стратегических решений по выбору пути развития России необходимо проведение свободного от *идеологической конъюнктуры* системного анализа положения страны и ее внешних условий, а также тенденций изменения этого положения.

Эту работу было бы разумно совместить со спокойным и откровенным разговором власти и общества о тех главных угрозах, которые встают перед Россией, о тех ресурсах, которыми она располагает, и об альтернативных возможностях эти угрозы преодолеть. В ходе этого разговора и определится образ желаемого и возможного для России будущего на среднесрочную перспективу (20–30 лет). Одновременно выявятся контуры конфигурации той политической системы и той социальной и экономической политики, которые обеспечат выход России из кризиса на траекторию стабильного развития.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (Ю.А. Плакиткин):

Уважаемый Сергей Георгиевич, у меня была возможность сопоставить графические части, и я увидел две реперные точки: 1988–1990-е гг. и вторая реперная точка — 2000-й год. Я совместил эти реперные точки с динамикой цен на нефть. Оказалось, что они совпадают. Действительно, период 1988–1990 гг. был периодом значительного падения цен на нефть, а 2000-й г. — это некое оживление рынка с ростом цен на нефть. Не кажется ли Вам, что вся та негативная часть, которую Вы осветили, сводится к двум вещам: первое, это моноструктура нашей экономики, и второе — конъюнктура циклического нефтяного рынка, который состоялся? Т. е. не сводится ли все к тому, что мы в экономической практике не умеем выстроить систему, которая максимально вписывалась бы в циклы нефтяного рынка?

Ответ:

Нет, не кажется. В 1990 г. о «моноструктуре нашей экономики» не было и речи. В 1989 г. доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе из РСФСР составляла 77%. Из них «машиностроение и металлообработка» — 34,7%. Доля всех «добывающих» (сырьевых) отраслей — 23%. Это — максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья». Сведения эти приведены в таблице «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г.» (Статистический ежегодник «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.», с. 32).

Вопрос (М.В. Вилисов):

У меня два вопроса. В тексте доклада говорится, что сейчас в обществе существует социальный конфликт. Каковы его признаки? Кто субъекты этого конфликта? И какова степень осознания этими субъектами конфликтного состояния?

Второй вопрос: каков потенциал власти (имеются в виду те элитные группы, которые находятся у власти) в части со-

зидательного преобразования? В каких группах он может быть? Если его нет, то каким Вам видится выход?

Ответ:

По первому вопросу я бы сказал так: возник, прежде всего, конфликт ценностей. Большинство населения СССР к концу 80-х гг. при всей слабости и противоречивости идеологической составляющей сознания, определенно высказывали предпочтение к тому, чтобы сохранить солидарный тип общества с высоким уровнем государственного патернализма, не демонтировать созданные сельскохозяйственные предприятия и не проводить приватизации крупных системообразующих предприятий.

Это было высказано совершенно определенно, даже в довольно жесткой форме. Был сделан вывод, что таков советский человек. Общество раскололось по этому признаку. Выделилась некая рыночная, «прогрессивная» часть, состоявшая в основном из интеллигенции, студентов, части номенклатуры и управленцев. Между этой частью и большинством возник конфликт, который проявился в ответах на очень большое число красноречивых вопросов. Такие опросы тогда интенсивно проводил ВЦИОМ (рук. Ю.А. Левада). Тем не менее, была принята доктрина, которая противоречила установкам большинства. Этот конфликт только углубился в ходе либерализации цен и приватизации, и к 1994 г. он уже совсем оформился, что было показано исследованиями ряда международных групп.

Это прежде всего так называемый «Новый русский барометр». Кроме того, сам Левада каждые пять лет читал лекции «Homo Sovieticus. 10 спустя», потом — 15 и 20 лет спустя. В последней своей лекции он говорил, что этот тип людей никуда не делся, он стал только более архаичным и более «упертым». Советский человек, т. е. тот тип, который представлял собой большинство населения, просто ушел в катакомбы — он не имеет голоса, не имеет реального представительства в

разных политических структурах, и он «безмолствует». Нынешнее положение воспринимается в его среде как временное поражение в холодной гражданской войне.

Ну, а тот социальный субъект, который поначалу вроде бы победил, начинает потихоньку сходить на нет. Даже в среде богатых очень небольшая часть (только 12%) довольны тем типом жизнеустройства, которое возникло. Это переходный период, и люди просто ждут, когда он закончится. Но он не заканчивается, это свойство исторической ловушки — мы ходим по кругу.

Ситуация, на мой взгляд, тупиковая, поскольку обе части этого конфликта не имеют сил, чтобы объяснить и, тем более, победить другую сторону. Это равновесие является неустойчивым. Каким ресурсом обладают для этого власть и околовластная элита? Пока что они обладают возможностью ситуативно поддерживать это неустойчивое состояние, потому что и власть, и ее интеллектуальная элита не идут на диалог с большинством. Возьмите все политологические трактаты или последний доклад ИНСОРа: они вообще обходят все реальные проблемы, которые витают в воздухе; они говорят о совершенно искусственной конструкции, в виде которой представляют себе Россию. Это размышления о *стране, которой нет*. Прогнозировать, насколько могут эта элита и эта власть пойти на какой-то диалог и найти общественный компромисс или, как говорили раньше, заключить общественный договор, очень трудно. Много раз это предлагалось, но ответа не было. Ну, возьмите Испанию после смерти Франко. Обе стороны расколотого общества тогда пошли на такой диалог. Даже оформили договоренности в виде пакта. Они его выполняли, очень строго следя за всеми участниками договора, и вылезли из ситуации, когда казалось, что гражданская война неизбежна.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Если мы говорим о доктрине, то, наверное, в ней должны быть целевые ориентиры? А какие были цели у реформиру-

вания? Что задумывали? Выскажу крамольное предположение: может быть, так и задумывалось?

Ответ:

Я Вас разочарую. На мой взгляд, цель имелась, и в чем-то она была даже мессианской. Ее важным мотивом являлась подвижническая страсть к разрушению. В то же время, сводить к этой страсти всю доктрину нельзя, как и предполагать, что реформаторы нарочно хотели уничтожить хозяйство России.

С 1990 г. я работал в небольшом институте АН СССР, Аналитическом центре, созданном для изучения хода реформы. Из этого Центра вышло несколько чиновников в ранге министра (и даже один вице-премьер) гайдаровского правительства. Мы были знакомы уже несколько лет, имели возможность вести относительно откровенные беседы.

Судя по ним, одной из целей действительно было разрушение всех структур советской системы, причем так, чтобы их невозможно было восстановить. В этом был налет религиозного фанатизма. В ответ на мой вопрос «что же будет построено?», мне говорили, что это поколение реформаторов вообще не думает о том, чтобы что-то строить. У них была иллюзия, что достаточно разрушить «империю зла», и само собою возникнет прекрасное здание рыночной экономики.

Их позитивный проект был имитационным: учредить структуры жизнеустройства, как на Западе (точнее, как в США). Оттуда прибыло и большинство их советников. В уничтожении «империи зла» никто из них не раскаивается. Они считают, что им удалось великое дело космического масштаба, и даже удивляются, когда кто-то переживает из-за утраты, скажем, тракторостроения или авиационной промышленности.

Вопрос (П.А. Федосов):

Еще один вопрос по поводу заключительной части доклада и предложений, которые Вы делаете, а именно — в части

спокойного и откровенного разговора власти и общества. Вы говорили, отвечая на другой вопрос, что власть, очевидно, не хочет вести такой диалог. Как, на Ваш взгляд, общество в состоянии его вести? Кто это, общество? Пример пакта Монклоа, который Вы сейчас приводили, явно неудачен, поскольку там основными субъектами переговоров в замке Монклоа были партии и профсоюзы — сложившиеся институты. В нашем случае, кто бы это мог быть?

Ответ:

Я считаю, что у нас есть гражданское общество, хотя и не западного типа. Если бы государство желало, можно было сохранить развитые профессиональные, социальные и культурные структуры и ассоциации, которые могли бы выделить депутации для таких переговоров. Партии — не единственный субъект для переговоров. На Руси собирали поместные соборы без всяких партий и профсоюзов. В советское время действовали профессиональные структуры в слое интеллигенции. Здесь, кстати, и возник раскол, и он мог быть вербализован, способствуя консолидации групп интеллигентов, которые вполне могли вести переговоры. Так, в институте, где я работал, были две группы с совершенно разными ценностными установками, которые вели интенсивные беседы, организованные как семинары. Такой разговор *может* быть организован и на более высоком уровне. На это, я считаю, и была надежда после 2000-го года.

Вопрос (В.Б. Исаков):

Мы с Вами, Сергей Георгиевич, одно время сотрудничали в газете «Советская Россия», и я рад встретиться с Вами вновь. Позвольте три коротких вопроса. Если обратиться к показанным Вами слайдам, возникает вопрос: почему общество еще не взорвалось на фоне происходящих процессов? Людей откровенно обворовывали, они много чего потеряли, само общество много чего потеряло. Это что, ничем не урав-

новешивалось? Или, может, в этих процессах была и позитивная сторона? Например, расширение духовной, политической свободы, ликвидация архаических форм социального контроля, совершенно позорных, которые существовали в 1980-е годы...

Ответ:

На мой взгляд, тот факт, что «общество еще не взорвалось», следует считать великим подвигом нашего народа, подвигом терпения. Я считаю, что он равноценен подвигу в Отечественной войне. Здесь проявилась та культура, которая была унаследована нашим народом и укреплена советской школой. Люди напряженно ищут неразрушительный способ изменения ситуации и пока что подавляют соблазн «взорваться».

Второй важный фактор состоит в том, что люди сами допустили эту ситуацию. При их попустительстве произошел в 1991 г. этот поворот, они не смогли ни собраться, ни определиться. Рабочие, утратив способность к предвидению, приняли идею безработицы. После этого они должны все обстоятельно передумать, прежде чем решиться на действия, потому что вина каждого осознается. Мы сами эту петлю на свою шею набросили.

Кроме того, возникло много соблазнов, они закачивались в сознание — особенно молодежи. Возникла иллюзия возможности беззаботной жизни без производства, без усилий — иллюзия, что Россия станет частью «общества потребления». Эти иллюзии довольно скоро развеются, тогда и посмотрим, как долго люди будут терпеть сложившееся положение.

В.Б. Исаков:

Многие показанные Вами графики свидетельствуют — да мы и сами все это знаем, — что, к примеру, в экономике сильны процессы старения оборудования, или что негативные процессы в демографии начинались еще в советский пери-

од. Исторически так получилась, что точка пересечения на этом «русском кресте» совпала с приходом к власти Ельцина. Символическое, конечно, совпадение, но сами-то процессы еще в советский период начали развиваться. Не надо ли расширить рамки анализа и рассматривать распад советской системы и то, что сейчас происходит, как фазы одного кризиса? Это кризис социума, который распадается на несколько фаз. А то получается, что кризис у нас начался в 1990-е гг. Он начался, на мой взгляд, с середины — конца 1970-х гг., уже тогда намечился распад существовавшей системы.

Ответ:

А что это меняет? Я бы сказал, что кризис начался еще в конце XIX в. Но фазы-то его различаются принципиально. Когда динамика показателей такой большой системы, как Россия, испытывает кардинальный излом со сменой вектора, разрыв непрерывности, то никак нельзя сказать, что перед нами постепенное развитие кризиса как хронической болезни. Эти изломы — как выстрел в лоб, как взрыв. Когда за два-три года уничтожается половина промышленного потенциала, это никаким уменьшением темпов роста в советское время не объяснить. Разрыв непрерывности произошел в начале 90-х гг., старая система была просто парализована или ликвидирована вместе со своими недостатками и болезнями. Сейчас объяснять нынешнюю ситуацию историческими причинами, например, слабостями 1970-х гг. — это означает уход от реальности. Там был *свой* кризис, я согласен. Но кризис 1990-х гг. порожден сознательными действиями и решениями, которые были приняты, оформлены на бумаге с датой и подписями. Было ли это следствием фундаментальных ошибок или злого умысла, мы не обсуждаем. Это дело историков и следователей.

В.Б. Исаков:

Заранее прошу прощения у всех за этот вопрос, но поскольку тему мы обсуждаем очень жестко, то и вопрос будет такой

же. В последних работах таких разных людей, как Солженицын или Зиновьев, высказан очень глубокий скепсис в отношении будущего России. В той или иной форме высказывалась мысль, что Россия будущего не имеет, что российское общество — это умирающее общество. Те системы, о которых Вы говорили, разрушены безвозвратно. Это умирание может занять десятилетие, может весь XXI в. занять, но Россия больше не поднимется никогда. Ваше отношение к подобному прогнозу...

Ответ:

Это исключительно эмоциональные оценки людей с необычным мышлением. И Зиновьев, и Солженицын — люди катастрофического видения. При этом они отрицают *любое* жизнеустройство — и советское, и постсоветское, и западное.

На самом деле никаких объективных фатальных показателей к тому, чтобы России не выжить и не подняться, не существует. Наоборот, тот факт, что мы прожили «лихие 90-е гг.», и общество не рассыпалось, люди друг другу не перегрызли горло, показывает, что мы, конечно, выдержали великое испытание. Нынешние студенты — пусть менее образованные, — но они очень и очень хорошие. Они думают о том, как вытащить страну из этой ямы. А за XXI в. еще немало цивилизаций в кризис и войдет, и выйдет.

Вопрос (Г.П. Воронин):

Представьте на мгновение, что Вы — сегодняшний президент страны. Все кривые на графиках, которые мы видели, идут вниз. Вам их надо развернуть вверх. Мы все этого хотим. Назовите три первых шага.

Ответ:

Во-первых, большинство кривых все же направлены вверх — но так, что спасение не гарантировано. Это все же существенное уточнение. Однако тенденцию надо менять принципиально, и тут требуется стратегическое целеполагание.

Я бы в первую очередь собрал бригаду обществоведов, которые сумели бы преодолеть парализующее давление и истмата, и либерализма — людей с жестким «инженерным» мышлением, которые исходят из той реальности, которая «нам дана в ощущениях», и из трезвой оценки ресурсов, которыми мы обладаем. Они бы определили основные контуры проекта, который позволит России вырваться из исторической ловушки — без упования на рынок или нового Сталина. Конечно, этот проект не будет похож на образ желанного будущего. Выход из трясины происходит по другим тропам. Наметив контуры, надо начать диалог с разными социальными группами — искать союзников, нейтрализовать противников, выявить «отморозков». Прежде всего надо определить, какой культурный тип людей может стать тяговой силой такого проекта. Ясно ведь, что это не средний класс, не «офисный планктон». Это та часть, которая сегодня ушла в катакомбы — те, кто умеет и любит работать и способен смотреть вперед.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Вот Вы настаиваете на диалоге в обществе. И тут же отмечаете, что и власть, и общество неадекватно оценивают характер угроз. Это что, будет разговор глухого со слепым? Как, по-Вашему, нужен ли технократический подход?

Ответ:

Во-первых, неадекватно могут оценивать угрозы и зрячие, и ушастые. Для адекватной оценки требуются еще кое-какие органы. С другой стороны, и глухонемые могут договариваться, если они этого хотят и друг другу помогают. О технократическом подходе я не говорил. У большинства людей в России чего-чего, а нравственных ценностей полным-полно осталось — после хищения материальных. Значит, подход к диалогу будет и рациональным, и нравственным одновременно.

Вопрос (Ф.Ф. Пащенко):

Мы все понимаем, что отраженный на графиках спад объясняется тем, что тогда стояла задача сломать существовавшую систему. Но чем объяснить, что сломали систему здравоохранения? Раньше мы занимали по этому показателю третье место в мире, а сейчас оказались на 130-м.

Ответ:

Не вижу здесь разницы. А детские сады при чем? Как мне объяснил один высокий чиновник, в каждой системе сидит ген коммунизма. Она все равно обретет прежние формы, для нее есть социальная база, есть «совок». Поэтому и надо все растереть в порошок. Это уже не просто фундаментальные ошибки, а коллективный психоз. Взять сейчас академические, доктринальные труды 1990–91 гг. — это тяжелейшее чтение. Вы видите людей, которые впали на время в необычную умственную патологию.

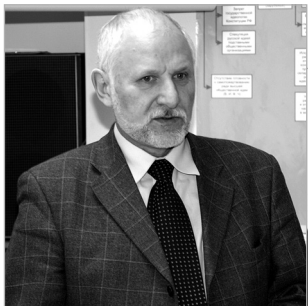
Ф.Ф. Пащенко:

Во всем мире произошел кризис, а у нас возросло в два раза число миллиардеров, а те которые уже имелись до кризиса, увеличили свое состояние. Вы говорите о системах принятия решений и о том, что будет возможен диалог общества и власти. Может ли в ближайшее время произойти подобный диалог при таком отношении к кризисным явлениям?

Ответ:

Может. У многих людей очень узкий диапазон для маневра. Но постепенно они выгрызают пространство. Люди согласились с тем, что мы это пространство не отвоюем, а будем выгрызать, как мыши. Как при татарском иге — 300 лет терпели, так что не слишком долго осталось...

В дискуссии выступили:

Сулакшин С.С.

Вилисов М.В.

Воронин Г.П.

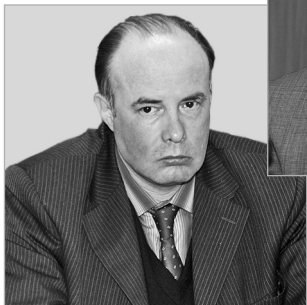
Багдасарян В.Э.

Исаков В.Б.

Плакиткин Ю.А.

Кашепов А.В.

Нигматулин Р.И.

Пащенко Ф.Ф.

Якимец В.Н.

Касьянов П.В.

Соловьев А.И.

Очень хочется конструктива

*В.Н. Якимец, доктор социологических наук,
кандидат технических наук*

Название доклада «Доктрина и результаты реформы 1990-х годов». Насколько я себе представляю, должны были быть озвучены суть доктрины и результаты реформ 1990-х гг. Я не услышал, к сожалению, ни про доктрину, ни про результаты. То, о чем говорил докладчик, во-первых, не содержит четкой и ясной позиции по поводу доктрины. На мой взгляд, по этой теме надо было говорить не о результатах, а о последствиях того, что произошло.

Разверну свои соображения немного подробнее.

Происходившее в России в 1990-е гг. — это не доктринальное развитие. Давайте вернемся в то время: пустые прилавки, экономика полностью обнулилась, управление ею и обществом было почти потеряно. Нужно было что-то предпринимать. Делалось ли это на основе некоей специально созданной доктрины? Я думаю, что нет. Подтверждением тому является дискуссия, которая развернулась сегодня в Чикагском университете среди тех самых профессоров, которые якобы пестовали наших «чикагских мальчиков». Полагаю, что коллегам будет интересно познакомиться с материалами этой дискуссии — они публикуются в Интернете на русском языке. Главное, что меня в ней поразило: одна группа чикагских профессоров обвиняет вторую группу в том, что, выстраивая неолиберальный подход, они не опирались на эмпирические факты. Доминировал творческий креатив — этакий полет либеральной экономической веры в эффективность рынков и рациональные ожидания. И в ходе довольно острой полемики делается вывод, что эти-то умозрительные конструкции привели в конечном счете к глобальному экономическому кри-

зису, который случился в конце первого десятилетия XXI в. Похоже на правду, но я не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Нельзя забывать о действии фундаментальных экономических законов, кондратьевских циклов, например.

Реформы — это всегда сложная, конфликтная трансформация. Любое кардинальное преобразование — это точка бифуркации. В ходе быстро принятых решений по удержанию страны у края пропасти были осуществлены радикальные воздействия, что не могло не сказаться на показателях функционирования экономики, жившей перед этим в рамках другой парадигмы. Наступало переламывание той системы, а значит и все ее прошлые показатели должны были претерпеть серьезные изменения. Посему и значения тех показателей, которые представил нам докладчик, должны были измениться. Происходило кардинальное преобразование, которое, на мой взгляд, не было до конца осознано тогда ни теми, кто его производил, ни теми, кто был субъектом, на который воздействовали эти реформы. Иными словами, не было какой-то более-менее осмысленной доктрины. У команды, проводившей реформы, были сведения об опыте преобразований в странах Восточной Европы и теоретические схемы либеральных экономистов. Они, по моему мнению, часто наощупь (возьмите, к примеру, ваучеры), иногда по наитию «разруливали» громадный ком проблем.

Теперь относительно удвоения числа миллиардеров. Эту тенденцию я заметил в начале нулевых годов, подсчитал в 2004 г., а в 2005 г. — опубликовал в своей монографии¹. Кстати, первая глава, в которой даны в графическом виде материалы расчетов, называется «Последствия социально-экономической трансформации России: 1990–2005». Так вот там приведены графики, показывающие, что у нас ежегодно, начиная с 2001 г., происходит удвоение числа «долларовых миллиардеров» и удвоение их совокупного богатства.

¹ Якимец В.Н. Социальные инвестиции российского бизнеса: Механизмы, примеры, проблемы, перспективы. М.: УРСС, 2005. 182 с.

У миллиардеров США нет такой «скоростной» схемы, они здесь серьезно отстают от наших нуворишей. Вот и сейчас, по данным журнала «Форбс», у наших миллиардеров снова удвоение: «За прошедший кризисный год Россия отличилась удвоением количества миллиардеров. Если в мире число миллиардеров, по данным Forbes, выросло примерно на четверть, то в России оно почти удвоилось, увеличившись с 32 до 62 человек»².

Вопрос: «Это что? Позитивные последствия?». Да, наверное, позитивные — для тех людей, которые становятся обладателями таких богатств. Хотелось бы, чтобы мы все были так же богаты. Но не получится. Что же это означает? Правила игры и система в России построены так, что богатые будут богатеть и дальше, а бедность как нарастала, так и будет расти. Применительно к нашей дискуссии это означает еще и то, что не было никакой доктрины в 90-е гг. Иначе пришлось бы говорить о каком-то заговоре.

Сейчас мы находимся в ситуации, когда богатые люди — отдельно, малый и средний бизнес — отдельно, общество — само по себе и те, кто управляет страной, и кто выстраивает систему законодательства — отдельно. Иногда складывается ощущение, что те, кто придумывает законопроекты, не думают о последствиях. Реально нет конструктивного диалога между властью и обществом. О каком диалоге мы можем говорить, когда есть монополизированная политическая система. Нам нужно решительно менять ситуацию в политической системе. Когда люди могли бы выбирать и знать, что их голос будет верно учтен. Нам нужно, чтобы у нас были институты, которые прислушивались бы к разным мнениям граждан. У нас этого нет.

Соглашусь с докладчиком, когда он говорит о необходимости системного анализа положения в стране и внешних условий. Только вопрос в том, кому это нужно? Есть ли за-

² Башкатова А. Россия отличилась удвоением миллиардеров. Независимая газета, 12 марта 2010 г.

каз на системный анализ? Допустим, что мы выполним системный анализ, напишем еще один «кирпич». И что? Кому это понадобится? Никто из тех, кто управляет страной, не прислушается. Может быть, это народу надо? А кто сейчас представляет народ? Вряд ли это Общественная палата. Абсолютно соглашусь с одной формулировкой, прозвучавшей в докладе, о необходимости откровенного разговора о состоянии дел и перспективах развития страны, ее политической системы, экономики, гражданского общества. Но для того, чтобы вести откровенный разговор нужны качественно новые индикаторы и рейтинги состояния страны, гражданского общества. Вот что надо обсуждать. И более того, нужно настоятельно рекомендовать разработку таких новых индикаторов Правительству и Президенту, который, кстати, начал об этом говорить. Иначе, мы будем продолжать снова и снова оперировать показателями советского периода.

По поводу приведенных докладчиком данных по динамике производственных показателей. Смотрел на графики и сопереживал. Ну да, тракторов меньше стало. Ну и что? Может, их и не надо было так много? Да, в стране за последние 15–20 лет произошли резкие изменения, в том числе в ряде отраслей промышленности. Надо осмыслить их, оценить тренды, понять, куда можем двигаться дальше. Мне представляется, что надо выстроить новую систему измерений состояния экономики и гражданского общества с учетом мнения граждан и ключевых действующих акторов, чтобы уметь выявлять связь результатов с управленческими решениями. Если на основе новых индикаторов выявится, что происходит ухудшение значимых показателей, то можно искать причины, оценить деятельность тех, кто принимал решения, приведшие к таким последствиям, понять, как можно изменить ситуацию в лучшую сторону.

И, наконец, одно простое предложение. Нам стоит перейти от критики к конструктивным предложениям. Очень хочется конструктива. Хочется понять: что делать? Какие

решения принимать? На основании чего? Какие индикаторы и как измерять? Кто будет проводить мониторинг? Какие новые экономические институты и механизмы нужны стране? — Вот что хотелось бы обсуждать.

Советские «матрицы» в несоветской среде

Н.Н. Клюев, доктор географических наук

Прежде всего, спасибо Сергею Георгиевичу за интересное, как всегда содержательное выступление!

Признаюсь, для меня работы С.Г. Кара-Мурзы — в особенности книга «Манипуляция сознанием» — были «лучами света» в царстве угодливой апологетики, при том что идеологи нового режима, как правило, были известны многолетним пресмыкательством перед властями режима старого.

Сразу скажу, что я солидарен с главными положениями доклада — и с оценкой реформ 1990-х, и с диагнозом нынешнего «неустойчивого равновесия», и с фиксацией главных угроз, и с необходимостью общественного диалога. Однако отдельные частные позиции доклада вызывают у меня возражения, сомнения или требуют корректировки.

1. О советских технико-социальных системах, «матрицах» (промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ...), ныне надломленных, и новых больших системах, так и не построенных.

В 1996 г. 2/3 предприятий и организаций страны были частными, в 2007 г. их стало уже 80,7%. Сюда следует добавить еще и частные компании с государственным участием, которые в наших специфических условиях живут даже комфортнее частных, поскольку в трудные времена, безусловно, поддерживаются государством, а в благополучные — прибыль с ним не делятся. Отношения собственности в историче-

ском материализме считались базисными, определяющими общественное развитие (включая его нисходящую ветвь).

За 20 постсоветских лет в стране создана инфраструктура капитализма, его институциональная основа. Функционируют товарные и фондовые биржи, страховые общества, новые хозяйственные формы — сетевой маркетинг, охранные структуры, шоу-бизнес, спортивный бизнес и многие другие. Появились новые отрасли хозяйства — как уродливо-архаичные (челночный бизнес), так и прогрессивные (сотовая связь, IT-сфера), созданные с нуля относительно честно, а не в ходе черных разделов и переделов национальной собственности. Последние возникли, конечно, в связи с формированием в мире нового технологического уклада, а не вследствие отечественных социальных трансформаций.

Новые отношения собственности, новая система управления укоренились; достаточно сильно укоренились и властвующие структуры. Правда, заводы, оборудование, технологии, производственная, социальная и транспортная инфраструктура в основном остались старые, советские. Можно так сказать: анатомия хозяйства прежняя, а физиология — новая, функционирует все по-другому. При диагностике нынешнего состояния общества нельзя этого не учитывать, неверный диагноз влечет неправильное лечение.

Справедливо утверждается, что наши капиталистические структуры искажены, дефектны, неэффективны — не такие, как, скажем, в Швеции. Сам факт такого сравнения — это отражение обид жертв перестройки, наивно поверивших, что наше место — в первом ряду капиталистического «партера». Между тем, в мире существует множество разных капитализмов — от благородного шведского до захолустного нигерийского типа, плюс масса гибридных разновидностей. И даже в рамках одной страны хозяйственные уклады в разных секторах хозяйства различны. В Японии, например, внешнеторговый промышленный либерализм соседствует с закрытым от внешнего рынка сельским хо-

зайством (импортные пошлины на рис составляют 300%!)). Капитализмы все разные, и наш — тоже не исключение, со своим советским родимым пятном. Особенности созданного в нашей стране экономического базиса (на мой взгляд — анархо-феодальный капитализм в ресурсообеспечивающей зоне мировой экономики), его непохожесть на экономический авангард планеты часто трактуются как переходные черты, которые скоро исчезнут. Однако столь же вероятно, что это — «всерьез и надолго».

Тот неоспоримый факт, что советские хозяйственные структуры оказались, как правило, эффективнее (исходя из народнохозяйственных критериев) постсоветских, вовсе не причина списывать последние со счетов. Этого нельзя делать прежде всего потому, что за ними стоит сформировавшийся за годы перестройки и реформ довольно значительный слой работников упомянутых капиталистических сфер, в основном молодых и агрессивных, но отнюдь не советской «матрицы». Они крайне заинтересованы в сохранении существующего жизнеустройства и будут активно защищать свои доходные места и властные полномочия.

Я согласен с докладчиком, что полную российскую катастрофу в постсоветское время предотвратил советский человек, который мужественно, а подчас и героически продолжал честно служить в нерентабельных отраслях — пахал, учил, лечил... Однако ныне командные позиции в политике, экономике, СМИ, культуре занимают другие люди, и численность их измеряется далеко не единицами. Кстати, в докладе на графике отражено заметное снижение производительности труда в нефтяном секторе по сравнению с советским периодом. Конечно, надо посмотреть статистику детальнее, но скорее всего это снижение обусловлено ростом управленческой прослойки в нефтяной отрасли. Это не буровики стали менее производительно работать, это к рентабельной отрасли примазался мощный бюрократический слой со своей разбухшей службой. (Другая возможная причина — за-

метное снижение дебита скважин из-за ухудшения горно-геологических условий).

Однако предпринятая в докладе постановка вопроса о ведущей роли советских «матриц» в жизнеустройстве страны представляется мне чрезвычайно полезной. Эти «матрицы» (которых многие не видели, или не хотели видеть) действительно держат страну. Но для верного социального диагноза, для «системного анализа положения страны» (как сказано в докладе) нельзя не учитывать, что они причудливо переплетаются ныне с несоветскими метастазами, которые тоже живут и развиваются, хотя и носят злокачественный характер.

2. О динамике структуры занятых в народном хозяйстве.

Сокращение численности и доли занятых в промышленности и сельском хозяйстве в общем случае нельзя трактовать однозначно негативно. Переток занятых из производства в сервисный сектор, сопровождаемый повышением производительности труда, — это прогрессивный процесс, отражающий становление постиндустриального общества. Другое дело, что он протекает у нас столь своеобразно, что в пору говорить о «постиндустриализации по-русски». Особенности национальной постиндустриализации состоят в следующем.

За постсоветский период доля сервисного сектора в экономике нашей страны сильно выросла. При этом, естественно, сократилась роль материального производства, что обычно трактуется позитивно как «постиндустриальное развитие». Однако наблюдается крайне неравномерное изменение отдельных отраслей в составе сервисного сектора. За 1990–2004 гг. число управленцев, финансистов и работников торговли увеличилось примерно вдвое, работников здравоохранения и культуры — на 10%; при этом число работников образования несколько сократилось, а научных работников — уменьшилось почти на 2/3. Налицо регрессивные подвижки в третичном секторе нашей экономики, сформировавшийся в нем «торгово-бюрократический флюс». Ясно,

что такая динамика не соответствуют задачам инновационного, информационного, социально и экологически ориентированного развития страны.

Сокращение численности занятых в сельском хозяйстве России происходит лишь в крупных предприятиях. У нас приусадебные, садово-огородные и дачные участки имеют 44 млн из 50 млн семей. Налицо возврат к дореволюционной ситуации, когда в сельском хозяйстве было занято 80% населения страны. Структура нашей сельскохозяйственной сферы (преобладание крупных хозяйств в товарном производстве и выпуск более половины продукции в основном для натурального потребления на базе ручного труда) напоминает скорее Россию накануне 1861 г., чем пореформенный 1913 год.

В отечественном сельском хозяйстве наблюдается феномен «псевдо-интенсификации». Сельскохозяйственное производство сокращается в значительно меньшей степени, чем используемые ресурсы овеществленного труда (удобрения, трактора, потребление электроэнергии и др.). На единицу продукции расходуется все меньше ресурсов. Прирост производства в пореформенном сельском хозяйстве достигается не за счет повышения технического уровня (применения производительных машин, эффективных удобрений, новых технологий и т. п.), а за счет усиления эксплуатации земельных ресурсов, «проедания» почвенного плодородия, а также ужесточения эксплуатации труда — прежде всего труда доиндустриальной эпохи (мускульной силы человека в личных подсобных хозяйствах населения, ставших ныне основными кормильцами страны). Здесь уместно вспомнить, что в период перестройки развитие частного предпринимательства на селе, приватизация земли, ликвидация колхозов рассматривались как предпосылки или даже неперемные условия экологизации сельского хозяйства. Однако бездарной аграрной «реформой» отечественный крестьянин поставлен на грань выживания и старается выжать из земли все возможное, что,

естественно, не может не подрывать экологический потенциал страны.

3. О высокой социальной цене выхода из современного кризиса России.

На мой взгляд, мысль о высокой цене выхода из кризиса, о новых народных страданиях на этом пути, не годится в качестве политического лозунга. Сколько можно?! Сначала товарищи просили подождать до светлого завтра, потом господа — до осеннего снижения цен. У нас уже и желания-то стали минимальными — лишь бы выжить. Вообще, это заклятье обязательности жертвы, призывы терпеть во имя искупления исторических грехов созвучно с традицией религиозного жертвоприношения. Наш народ заслуживает лучшего, тем более что на наших глазах отдельные страны и народы прорываются из мирового захолустья в экономический авангард планеты посредством действительных реформ, постоянно улучшающих жизнь подавляющего большинства граждан. Для разработки проектов таких преобразований нужны и точная социальная диагностика, и общественный диалог.

Современная модель России — системно ошибочна

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Отвечая на Ваше, Сергей Георгиевич, пожелание, я, как человек с инженерным мышлением, попытался расставить некоторые точки в связи с той темой, которая вынесена на семинар, — о типе современной модели России, реконструкции ее облика и причин.

Вообще, что такое модель России? На рис. 1 я попытался отобразить это как некий набор критериев ее существования

и развития. На рисунке отражены валовые экономические показатели, социальные, демографические показатели — и в целом то, что можно назвать в общем виде «успешностью страны». Понятие жизнеспособности страны отображено как мерная величина — композитная и измеряемая. Но достижение успеха возможно тогда, когда задаются некоторые основные базовые параметры. Причем подвергаемые осознанному управленческому выбору. Их можно вычленить, возможно установить связь и значимость для успеха страны. И вот в этом многомерном, как я предлагаю называть, фазовом пространстве успешности страны модель выглядит как поверхность успешности.

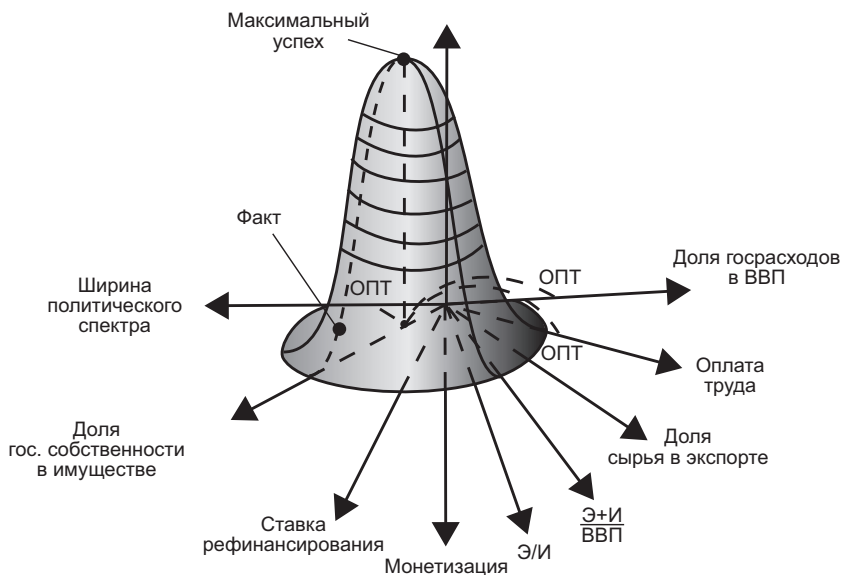

Рис. 1.

Что это за факторы, которые мы здесь уже достаточно обосновали? Это, например, социально-политический показатель, ширина политического спектра. Или в этом фазовом

пространстве такая своеобразная социальная температура или мера социальной энергетики, мера социальной активности, которая может быть в том числе и разрушительной. Это экономические показатели — доля госсобственности в структуре имущества страны, ставка рефинансирования Центробанка, коэффициент валового накопления и объем инвестиций в ВВП, коэффициент монетизации или объем финансов в обороте; это степень открытости или автаркичности экономики, внешнеторговый оборот, доля сырья в бюджетообразующих и экспортных потоках, оплата труда, отнесенная к ВВП, доля госрасходов в ВВП и еще некоторые другие факторы. Они, как и значимость их причинно-следственных связей, доказуемы. Для России эта поверхность успешности может быть построена. Да мы ее и строим, хотя есть большие проблемы с эмпирической точки зрения. На самом деле это, конечно, многомерная регрессия. Эта поверхность построена. В чем ее характерная особенность? У нее есть макушка, где, соответственно, максимальный успех. И понятно, что мы все хотели бы попасть туда. В том числе руководители, которые говорят совершенно правильные слова — о демографии, политике, общественной активности и т. п. Но факт заключается в том, что действующая российская модель на сегодня воплощена в нижней точке, в *наихудшем* состоянии. Я подчеркну: по всем жизненно важным показателям успешности страны — перечисленным и еще тем, которые, так сказать, «за доской». Системность реконструкции заключается в том, что нет ни одного выбираемого из политического набора профессионально фундированного количественного показателя по этим факторам, нет ни одного решения, которое максимизировало бы успешность. Хуже того, динамика страны говорит о том, что направление движения обратное. В.Н. Якимец справедливо спрашивал о том, что же надо делать для того, чтобы максимизировать успешность страны? Надо взять проекции, которые имеются на отдельных осях, — проекции факти-

ческих значений этих параметров — и рассмотреть их. Например, коэффициент монетизации российской экономики составляет 25%, и с начала кризиса он падал примерно до 17%. Во всех странах мира он рос (к примеру, в Китае — до 220%, т. е. разница в 8 раз). Из российского экономического оборота изъяты 3 трлн суверенной долларовой массы. Что же тут удивляться финансовому кризису и тому, что Россия сейчас находится в самом тяжелом положении из всех стран мира? Тяжесть положения не снижается, а нарастает. Если говорить о валовых накоплениях, то в России это 17% против 43% китайских, а инвестиции в условиях кризиса Китай нарастил на 30%, Россия же снизила на 17%. Доля оплаты труда, как элемент системы накопления, валовых накоплений, кредитования, расширенного воспроизводства, в России в 2,5 раза ниже, чем экономически обоснованная равновесная, и она падает, а не нарастает. Доля государственной собственности или доля государственных расходов в ВВП в России падает и ниже всех стран в мире, включая рыночную Америку, и т. д. Иными словами, глядя на эту картину — реконструированную поверхность успешности, — мы готовы сказать, что существуют оптимальные для специфической национальной цивилизационной идентичности модели успешности страны значения. Они реконструируются из исторической динамики, реконструируются из компараций, из моделей, из экспертных компетентных оценок. Но существует фактическое неоптимальное значение.

Что должен сделать человек, который системно желает попасть наверх? Он должен начать движение по всем осям к оптимальным значениям параметров. Что же происходит сегодня? *Системно*, без единого исключения, движение в прямо противоположную сторону. Таким образом, российская модель не просто выбрана, она демонстративно подтверждена, о чем свидетельствует полуторогодовой эксперимент с кризисом — это тот самый критерий практики, который любую теорию проверяет лучше всяких дебатов.

Фактическая модель противоположна успеху страны. Эта реконструкция позволяет сделать вывод, что избранная модель противоположна национальным интересам и национальной безопасности страны — тотально, системно и без каких-либо исключений. Что предполагает или предлагает эта модель? Первое — безусловное продолжение деградации во *всех* жизненно важных состояниях страны. Что еще очень важно, и мы впервые начинаем говорить об этом с уверенностью: эта модель генерирует вероятность нового полномасштабного кризиса, который будет уже не только финансово-экономическим, но еще и социально-политическим.

Несколько слов о реконструкции причинности: почему это так? Мы видим три группы причин, видим системное пространство причинности. Первая группа — это, конечно, некомпетентность. Вторая — мегакоррупция, лоббизм крупного и международного капитала. И третья — несuverенность государственного управления в России. Соответственно, модель именуется как либеральная, монетаристская, переэкспортизированная, экспортно-сырьевая, асоциальная, несuverенная.

Мы приходим к пониманию того, что не знаем общество, в котором живем

М.В. Вилисов, кандидат политических наук

Из текста доклада и выступления С.Г. Кара-Мурзы, из его ответов на вопросы я представил себе такую картину: на территории России существует сейчас как бы две цивилизации, которые можно образно назвать «полупрозрачная» (речь идет об умирающей советской цивилизации, ушедшей «в катакомбы», по словам докладчика) и «полупризрачная» — как тень того, что хотели, может быть, увидеть в девяностые годы, ког-

да доктрину реформ то ли сформулировали, то ли не сформулировали. Конфликт призрака с больным в любом случае не даст положительного результата и не выявит победителя, в том числе и путем диалога. Возникает вопрос: где же позитивное развитие? Развивая эту логику, получается, что необходима какая-то третья конструктивная сила, которая сможет обеспечить выживание страны в сложившихся тяжелых условиях. Но на этот вопрос, к сожалению, ответ не получен.

Перед этим говорилось, что откуда-то возьмутся иммунные силы. Но выявить эти «дремлющие» силы пока не удалось, так же, как и возможные источники их пробуждения. Поэтому у меня пока что есть понимание только того, какие внешние силы могут осуществить подобную модернизацию и к чему она может привести.

Один из этих вариантов сейчас озвучивается, в частности, ИНСОРОм. Это новый виток модернизации по западному пути, которой, в случае успеха, может привести действительно к становлению нового европейского государства в территориях европейской части России. Однако вероятность успешного развития этого сценария кажется низкой.

Второй вариант заключается в том, что может произойти внешняя модернизация с утратой независимости, но без внешних признаков этой утраты. Этот вариант также основан на внешней модернизирующей силе (необязательно западной, может быть и восточной).

При попытках обратить свой взор на то общество, в котором мы живем, мы начинаем понимать, что не знаем его: оно еще частично прячется в катакомбах, частично скрывается за какими-то целями, которые декларируются, но на самом деле преследуются совершенно другие.

Поэтому я составил примерный запрос на социальные характеристики той силы, которая должна прийти и поднять Россию. Но ответа на вопрос, какая сила в России отвечает этим характеристикам, у меня нет, поэтому я просто озвучу этот перечень.

Первая характеристика — социальная активность как действительно двигатель, топливо тех процессов, которые мы ожидаем.

Второе, это все-таки определенный уровень интеллектуального развития, ну и, возможно, профессионального, который позволяет, как сказал докладчик, «цинично, инженерно» оценивать происходящее.

Третье — это какой-то минимальный уровень материального обеспечения, который позволит этим людям иметь, как минимум, свободное время на то, чтобы мыслить, обсуждать и конструировать будущее.

Четвертое — это очень высокий, патологически высокий уровень альтруизма, потому что эти люди должны понимать, что в течение их жизни результатов своей деятельности они не увидят.

И пятое — очень высокая сплоченность.

Сейчас пока что не видно — по крайней мере, я не смог обнаружить — хотя бы возможности возникновения достаточно обширных социальных групп, которые обладали бы этими признаками и смогли бы взять на себя функцию по модернизации и «вытаскиванию» России из кризиса.

Надо подумать об обороноспособности России

*Г.П. Воронин, доктор технических наук,
доктор экономических наук*

Мне было очень интересно погрузиться в предложенные схемы и графики. Все выполнено профессионально. Хорошая аналитика. Анализируются многие проблемы нашей деятельности. Но для меня проблема номер один — оборонка. Мир вооружается. Нарастивает свою мощь НАТО, сопредельные государства закупают огромное количество оружия, число

вооруженных конфликтов растет, идут войны... Американцы подводят итоги программы «Единая перспектива — 2010».

Хотелось бы и нам подвести итоги. Но подводить нечего: оборонка — в глубочайшем кризисе. А что там у американцев? А вот что:

- на 240 стратегических бомбардировщиках установлены новые системы управления, новое оружие;
- 300 военных спутников заменяются на новые (затраты составляют 60 млрд долл.);
- на 200 самолетах радиоэлектронной борьбы (РЭБ) установлена новая аппаратура;
- создается самолет-робот Х-45;
- образовано 10 аэрокосмических формирований самолетов-заправщиков;
- начинается проектирование нового стратегического бомбардировщика весом 200 тонн, скоростью 5–6 МАХов;
- скоро появится гиперзвуковая крылатая ракета со скоростью 6 МАХов;
- создается летательный аппарат Х-33 со скоростью 14 тыс. км в час, весом 130 тонн;
- на атомных подводных лодках установлены 10 тыс. шт. ракет «Томагавк»;
- противоракетная оборона Аляски насчитывает уже 125 ракетных шахт.

Я не призываю к гонке вооружений. Но не реагировать на те изменения, которые происходят на планете, нельзя. Решительного перелома в оснащении наших Вооруженных Сил новой техникой не происходит. Задел в НИРах и ОКРах плачевный. При таком оснащении армия и флот не способны защитить Россию. Об этом мы должны всегда помнить и действовать решительно. Завтра уже будет поздно.

Три доктринальных компонента российского реформирования

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

То, что реформы 1990-х гг. провалились, казалось бы, очевидно. Но каков критерий провала? Об успешности реформ можно говорить, когда известна цель осуществляемого реформирования. И здесь мы непосредственно переходим к вопросу о доктринальных основаниях политики. Никакой публично заявленной доктрины реформ вроде бы не существовало. Значит можно предположить, что существовала непубличная доктрина. Попытаемся ее реконструировать. Такая реконструкция по косвенным индикаторам возможна. Наиболее очевидны три ее составляющие, проистекающие из интересов сформировавшихся элит.

Первая составляющая связана с проектом внешнего управления страной. Для геополитических противников России было выгодно ее максимальное ослабление. Среди западных экспертов действительно были те, для кого распад Советского Союза оказался полной неожиданностью. Но имелась и другая, более узкая группа лиц, описавших этот грядущий распад в деталях. Среди них достаточно назвать фигуру З. Бжезинского. Они разрабатывали проект установления новой, однополярной архитектуры мира. Ее утверждение напрямую связывалось с уничтожением свехдержавы № 2 — СССР. И очевидно, что какая-то часть российских реформаторов вполне сознательно работали на эту доктрину. Каковы оказались итоговые результаты? Целевая установка данной доктринальной компоненты была блестяще реализована. От биполярной модели мироустройства мир перешел к единоцентричной геополитической архитектуре.

Вторая составляющая непубличной доктрины определялась групповыми клановыми ориентирами. Интересы

сложившихся за ширмой советского строя элитаристских кланов принципиально разошлись с государственными интересами. Еще в советские годы формируется рынок директоров. И новому директорскому корпусу, и новой номенклатуре требовалась легализация накопленного капитала. Советская идеология такую легализацию провести не позволяла. Интересы латентных групп нелегализованного капитала состояли в устранении связанных с социалистическим строем препятствий. И все последующее реформирование, центральным аккордом которого являлась приватизация госсобственности, целиком вписывалось в эту проектную установку. С ней соотносились также интересы усилившего свои позиции криминалитета и, прежде всего, этнических криминальных групп. Передел собственности — в этом устремлении задачи криминала и номенклатуры совпадали. На базе достигнутого неформального консенсуса выстраивалась программа реформ. Очевидно, к этому объединению примкнули также интересанты из силовых структур. Судя по андроповским проекциям, в реформах определенная составляющая реализации клановых интересов органов госбезопасности также присутствовала. Насколько успешно была реализована эта компонента целевых ориентиров доктрины реформирования? Не подлежит сомнению, что блестяще. Страна была разграблена максимально, государственные ресурсы поделены.

Но вот что касается третьего компонента реформационной доктрины, то по отношению к нему произошел сбой. Основа этой составляющей реформ имела идеологическую природу. Она заключалась в специфической теории. Еще в XIX в. сформировалось направление сторонников универсалистского для всего человечества, включая Россию, пути развития. Советский Союз официально также оперировал идеологией универсализма, представленного марксистской теорией. Однако исторически СССР развивался совершенно иначе, не по универсалистским лекалам. Новые реформато-

ры, как это ни парадоксально, оказались ближе к марксизму, нежели ортодоксальные большевики. Идеальный пафос реформирования состоял в концепте универсальности. Главный тезис — Россия может стать западной страной. Традиционная для России система может быть заменена той, которая исторически обнаружила свою эффективность на Западе.

Подлежали замене основные компоненты жизнеобеспечения. *Государственная власть*: традиционная, характерная для России, автосубъектная идеократия меняется на либеральную демократию. *Партийная система*: вместо модели сращивания правящей партии и государства была предложена многопартийность (еще более желательна — двухпартийность). *Национальная система*: в качестве целевого ориентира была принята модель гражданской нации, продуцируемой по лекалам западных стран. *Экономика*: вместо патерналистско-общинной модели хозяйствования берется стандарт экономической системы, основанной на принципах свободной конкуренции хозяйствующих субъектов. *Армия*: вместо народной армии — профессиональные вооруженные силы, соотносимые с архетипом воин-легионер. *Школа*: новое позиционирование в качестве учреждения образовательного сервиса, специализированное среднее образование. *Здравоохранение*: частная страховая медицина. *Наука*: организация научной сферы как направления бизнеса; особое значение менеджерских услуг в продвижении научного продукта. *Социальная сфера*: глобальное развитие системы социального страхования. *Аграрный сектор*: вместо колхозного (модифицированного общинного) хозяйства — модель фермерства. И т. д.

А реализовалось ли что-либо из этих целевых заявок реформ? Следует констатировать, что в итоге ни по одному из номинированных ориентиров, несмотря на все попытки, желаемый результат достигнут не был. В итоге к 2000 г. стало очевидно, что была восстановлена прежняя, старорежимная по сути система, правда, в существенно ослабленном и де-

формированном виде. Провал реформ 1990-х гг. — это колоссальный опыт, свидетельствующий о том, что экстраполяция чужеродной, цивилизационно несвойственной модели для России противопоказана и бесперспективна.

Удастся ли России продержаться, сохранив свою идентичность и цивилизационную целостность

П.В. Касьянов, доктор экономических наук

С большей частью того, что прозвучало в докладе уважаемого Сергея Георгиевича, я согласен; тем более согласен с выступлением С.С. Сулакшина и с тем, что сказал В.Э. Багдасарян.

Доктрина, на мой взгляд, была реализована очень неплохо, но только эта доктрина не российского происхождения. До этого она была опробована в ряде других стран — так сказать, на более мелких объектах. Она везде работает неукоснительно. Хотя есть, конечно, своя специфика, скажем, в странах Латинской Америки, и то, что мы имели в СССР, и в странах Восточной Европы. Но, тем не менее, произошел такой развал, я бы добавил еще — деградация, деструкция того потенциала, который создавался в эпоху СССР.

Чем отличаются, на мой взгляд, лихие 1990-е гг. от постельцинской России? В 90-е гг. шел откровенный развал; Россия, собственно говоря, могла бы уже не существовать, начиная с 1999-го, 2000-го, могла распасться на какие-то фрагменты. В это время шло активное встраивание России — путем ее, так сказать, разрушения — в глобализирующуюся финансово-экономическую систему. И все активы России могли быть полностью приобретены транснациональными корпорациями, глобальной олигархией и уже просто не принадлежать России. Что изменилось?

В 2000-х гг., после прихода Путина, четко вырисовалась национальная олигархия. В этом состоит некоторое объяснение стабилизации, конечно, наряду с внешними факторами. Внутренняя олигархия заинтересована, чтобы Россия в той или иной степени продолжала свое существование и обеспечивала ей наиболее благоприятный режим. Российские олигархи, в случае утраты Россией суверенитета, будут растворены в системе глобальной олигархии, они в таком случае потеряют эксклюзивные возможности, которые у них есть при «монопольной» эксплуатации российского «субстрата». В этом определенные гарантии того, что свою функцию защиты российской государственности наша олигархия обеспечивает.

Схожая ситуация наблюдалась и в прошлые века. Тут очень точно подметил М.В. Вилисов, что мы имеем как бы две цивилизации. В России эта ситуация не новая. Примером может служить то, что происходило в петровскую или в екатерининскую эпоху, или в XIX в., — существовал элитный слой, который принадлежал больше к западной цивилизации, изъяснялся на немецком и французском языках, считая русский язык и православие языком и религией рабов.

В том, что произошло в России, явственно прослеживается глобальная кризисная ситуация цивилизации, прежде всего западной. Это цивилизация потребительская, нацеленная на материальное в ущерб духовному. Из-за этого перекоса в материальную сторону эта цивилизация не имеет перспектив. Сейчас западная цивилизация подчинена финансово-процентной системе власти, финансовократии. Эта власть по своей природе паразитическая, а сам экспоненциальный рост доходов, который обеспечивают или пытаются обеспечить себе глобалигархи, схож с ростом раковой клетки. Это показательно в плане того, что происходит с западной цивилизацией. В последние годы метастазы этой паразитической цивилизации захватили и Россию, откачав из нее тем самым какие-то ресурсы в попытке продлить свое существование.

Один из вопросов состоит в том, удастся ли России продержаться, сохранив некую свою идентичность и цивилизационную целостность, самостоятельность и государственность до того момента, как станет очевидно, что существование паразитической, антиприродной, финансово-кратической западной цивилизации или всей глобальной цивилизации по модели западной цивилизации невозможно?

Я считаю, что национальной идеей России должен быть выход человечества из цивилизационного тупика паразитического, финансово-кратического, бездуховного «развития» на основе перехода к цивилизации, ориентированной на гармоничное развитие общества и личности, на реализацию личностью своих наилучших потенций, на повышение качества жизни в глубоком его понимании. Научная и духовная основы для этого имеются — нужно, чтобы они были восприняты обществом.

Одним из необходимых направлений работы является постижение того, что есть российская цивилизация. Современная Россия — это наследие многих *тысячелетий*. Вот почему идет это противостояние западной паразитической цивилизации и российской, которая изначально была **ведической, природосообразной**, в которой люди жили, **управляли, правили** (как можно убедиться путем простейшего анализа русских слов) по **правде**, по законам **Прави, правильно, праведно**.

Существующая конструкция госуправления в сложившихся условиях тормозит развитие экономики страны

Ю.А. Плакиткин, доктор экономических наук

Я хотел бы высказаться с экономической позиции по тем реперным точкам, которые привел С.С. Сулакшин. Эти реперные точки и приведенные С.Г. Кара-Мурзой в докладе

критичные зоны на графике совпадают, на мой взгляд, с теми трендами, которые существуют в мировой экономике. Возьмем, например, критичную зону периода 1985–1986 гг. В этом случае объяснение простое. Поскольку бюджет СССР пополнялся в основном за счет экспорта нефти и газа, то возникла ситуация «падающего домино», при которой падают цены на нефть и газ — соответственно, сокращаются поступления в бюджет страны, снижаются централизованные инвестиции и уровень обновления производственных фондов, а накопленный износ фондов приводит к отрицательной картине падения производства, которую нарисовал докладчик.

Наступает 1990-й г. Цены на нефть продолжают снижаться. Возникает вопрос: что же делать? В государстве уже мобилизованы все ресурсы, которые можно было бы мобилизовать: трудовые, природные и т. д. Остается всего один ресурс, который можно еще задействовать. Это монополия государства на свободу. Начинается торговля этой свободой. Это свобода на рынке, свобода в политической системе. Достаточно вспомнить известную фразу: «берите свободы столько, сколько унесете». Наступает 2000-й г. Цены на нефть начинают повышаться. Появляется дополнительный источник для бюджета и, следовательно, финансовый источник для укрепления государственного управления. В экономической и политической сфере возникает вертикаль власти, усиливается влияние государственного аппарата в политике и экономике, укрепляются естественные монополии. В 2008 г. происходит изменение тренда цены нефти. Цена нефти начинает снижаться, и я согласен с С.С. Сулакшиным в том, что этот год «сродни» 1990–1991 гг. В нашей экономике происходит разбалансировка. В мировой экономике цены падают почти на все товары и услуги, в нашей же экономике, наоборот, они растут. При этом цены поднимаются в основном за счет цен естественных монополий. Эти цены начинают провоцировать инфляцию в стране. Следует констатировать, что в режиме снижения цен на нефть снижается и эффективность

государственного управления. Государственный управленческий аппарат практически занимается «экономическим футболом». Одна часть Правительства, укрепляя естественные монополии, повышает цены, «разгоняя» инфляцию» в стране. Другая же часть, во главе с Минфином и ЦБ, занимается борьбой с этой инфляцией, «укрепляя» рубль. Это укрепление стимулирует увеличение импорта товаров и «душит» тем самым наши отечественные предприятия. Получается, что существующая конструкция государственного управления в действующих условиях начинает тормозить развитие экономики страны. Совершенно очевидно, что дальше управление в таких же координатах невозможно, и здесь я согласен с тем, что необходимы решения, которые будут направлены на исправление этого положения.

Каждому перевороту предшествуют сдвиги в человеческом мышлении

В.Б. Исаков, доктор юридических наук

Для начала я предложил бы небольшой умственный эксперимент. Представьте себе, что наша встреча проходит сто лет назад — где-нибудь в 1910 г. Собралась группа интеллигентов и спорят, обсуждают будущее России. Кто-то выступил с предупреждением, что большевики могут придти к власти. Естественно, его подняли на смех: кто такие большевики? Мелкая группа маргиналов, что-то вроде сегодняшних скинхедов. Как они могут придти к власти? Кто-то размечтался, что Россия когда-нибудь станет великой страной, обгонит Америку, победит в сокрушительной войне, обуздает ядерную энергию, первой выйдет в космос. Этого осмеяли бы еще больше, чем первого. В тот момент, если посмотреть на объективную реальность, ни в экономике, ни в социальной

жизни не было никаких предпосылок для подобных «вздорных» выводов и предположений.

Другой пример. Чуть менее 20 лет назад группа руководителей Верховного Совета РСФСР — все, за исключением Ельцина и Хасбулатова, — выступили с «заявлением шести» — предупреждением, что Ельцин ведет страну к развалу, что СССР будет разрушен, что следующей фазой развала может стать распад России. Нас тоже подняли на смех, причем не только в «демократических» СМИ, но и на предприятиях, где мы выступали как депутаты. Действительно, в стране ощущалась нехватка продовольствия, предметов потребления... Но с какой стати ей распасться? Однако же в декабре 1991 г. было подписано Беловежское соглашение, и процесс самоликвидации Союза ССР стал объективной реальностью. Опять же, почти никто не предвидел, не предполагал такого развития событий.

Что я хочу сказать этими примерами? Часто мы не видим назревания крупных, значимых социальных сдвигов. Почему? Полагаю, потому что эти сдвиги подготавливаются и формируются сначала не в экономической или политической реальности, а в сфере мышления. Каждому глобальному перевороту, если присмотреться, предшествуют или сопутствуют колоссальные процессы в духовной сфере, в области мышления. Люди убеждены, что поступают верно, и потому коренным образом меняют свою политическую и экономическую жизнь.

Видит ли российская власть эту проблему? Конечно, видит, но решает ее совершенно неправильно. Она пытается сформировать из подрастающего поколения людей с ограниченным кругозором, индивидуалистов, поклонников личного успеха. Достижений в этом деле пока нет и не будет, но чуть-чуть видны некоторые результаты. Я абсолютно убежден, что нельзя переломить глубинный менталитет русского народа, это непосильная и неправильная задача. Но в этом менталитете заложен огромный потенциал развития.

Если вернуться в нынешнюю действительность, то главная проблема заключается в том, что мы притащили на своих плечах — я и к себе это отношу — прежнее советское мышление. В силу этого, многие проблемы мы просто не видим, не замечаем и, наоборот, мучаемся квазипроблемами. Одна из таких квазипроблем — проблема национальной идеи. Я убежден, что никакой новой национальной идеи у России нет и больше не будет. На выжженной после прежней идеи почве никакой новой национальной идеи не вырасти. Эта форма духовного объединения для нас закрыта, мы из нее выросли. А что может быть? Я считаю, что прозвучавшая здесь мысль об инженерном мышлении — это как раз росток того нового, чему принадлежит будущее. Я бы только немного ее переформулировал. Я полагаю, что российскому обществу предстоит переход от плоского, преимущественно объектного-предметного мышления к мышлению объемному, системо-мысле-деятельностному.

Не время и не место объяснять, в чем это мышление заключается. Приведу лишь один пример. На мой взгляд, реакция на возмутительные поступки, преступления и катастрофы в виде снятия с должности определенного количества «начальников» — это типичный пример «плоского» мышления. Пришла плохая весть — полетели головы. Вместо позитивной, организующей деятельности реально вносится дополнительная разруха и дезорганизация. Эффектные политические жесты зачастую рассчитаны на некритическое восприятие обывателя, однако причины, условия, предпосылки, в том числе коренные, остаются без анализа и без изменения. И — дайте только срок — родят нам новый «возмутительный случай».

Обидно даже не то, что российское общество отстает в производстве товаров, услуг, идей, технологий, культуры; обидно то, что оно не анализирует причин и не предпринимает настоящих усилий, чтобы изменить это положение.

Важно подчеркнуть, что без поворота в глубинных структурах сознания никаких других поворотов в обще-

стве не случится, а будет их простая имитация. Росток системо-мысле-деятельностного мышления, разработанного Г.П. Щедровицким и его последователями, дает России шанс на преодоление научного, технологического и социального отставания и выход в число лидеров XXI века.

Четвертая революция и четвертая реформа

А.В. Кашепов, доктор экономических наук

Уважаемые коллеги! Я хотел бы остановиться на двух вопросах — «реформе» и ее «результатах».

Была ли «реформа», или точнее, было ли то, что происходило в конце 1980-х — начале 1990-х гг., только «реформой», и каковы реальные факторы показанных в докладе негативных «результатов»?

В нашем общественном сознании утвердилась с советских времен модель «революция — хорошо, реформа — плохо (недостаточно)». Относительно оценки революции как таковой, как весьма сомнительного предприятия, немало написали французские авторы XIX в., а также русские авторы первой половины XX столетия, включая создателей сборника «Вехи».

Как инициаторы новейших российских событий, так и их противники, в том числе коммунисты, избегают применения понятия «революция» к этим событиям. Между тем, если от решиться от чисто классовых представлений о революции и рассматривать ее с институциональной точки зрения как принудительную смену политической системы, сопровождаемую, в советском случае, распадом территории государства и многолетней чередой вялотекущих гражданских войн, формально перерастающих в межгосударственные (от Карабаха и Таджикистана до Чечни и Осетии), то это именно то,

что у нас произошло. Четвертая революция, как и предыдущие, была вызвана недовольством народа условиями своей жизни, неспособностью власти решать назревшие проблемы, коллективным помутнением рассудка интеллигенции, подстрекательством иностранных структур. Не берусь указывать временные границы четвертой революции, но ее переломными точками были заговор в «Беловежской пуще» в 1991 г. и переворот осени 1993 г., завершившийся расстрелом легитимно избранного Верховного совета.

А что «реформа»? Я полагаю, что все лучшее в современном мире создано путем реформ. Редкий в истории России период бурного развития экономики, техники, науки, искусства в конце XIX в. был прямым следствием реформ Александра II. Великолепные результаты дали новейшие рыночные реформы, проводимые в Китае и многих других странах.

История не знает сослагательного наклонения, поэтому сложно рассуждать о том, могла ли «перестройка», как комплекс экономических и политических реформ, создать в СССР цивилизованное, т. е. рыночное, демократическое, динамично развивающееся общество. Эта политика содержала много ошибок и закончилась трагически.

Говоря о реформах последних десятилетий, мы можем выделить три их волны: реформу Горбачева, которая дала современной России институты частной собственности (под видом «кооперации»), предпринимательства, относительной свободы печати; реформу Ельцина — Гайдара, которая освободила цены, провела приватизацию и расширила институты рынка вплоть до присвоения им права управления государством («олигархия» в российском понимании). Жесткой гранью разделила горбачевскую и ельцинскую волны реформ Четвертая революция.

Реформа Путина деприватизировала институты государственной власти, остановила распад федерации, ограничила демократические свободы, деформировала систему управления Вооруженными Силами, внесла радикальные изменения

в прежнюю систему образования. Следует согласиться с выступавшими коллегами, что некоторые институты рыночной экономики, созданные в период первых трех волн реформ, после соответствующей модернизации могут пригодиться России в будущем.

Что явилось причиной экономического краха 1990-х гг.? Реформы? С нашей точки зрения, главной причиной послужило разрушение в ходе Четвертой революции единого экономического пространства бывших стран СЭВ и СССР. Именно поэтому, помимо Российской Федерации, хозяйственная разруха охватила все страны бывшего Содружества — СССР, Польшу, Румынию, Венгрию и другие страны Восточной Европы, территорию бывшей ГДР в Германии, а также Финляндию, где реформы и не проводились, но многие предприятия лишились советских заказов. Любое государство (например, США) или достаточно тесный союз государств (например, Европейский союз), будучи принудительно расчлененные на фрагменты, разгороженные новыми границами, конфликтующие друг с другом и делающие попытки «развернуть» свою экономику в сторону «новых друзей», обречены на подобный коллапс.

Безусловно, отмеченные коллегами факторы падения цен на нефть в конце 1980-х гг., а также некоторые последствия ельцинской реформы — особенно криминальной приватизации, массового вывоза капитала, падения монетизации экономики, сокращения государственных расходов и доходов населения — дополнительно повлияли на траекторию и глубину экономического спада, сопровождавшегося демографическим кризисом, нравственной, интеллектуальной, технологической деградацией общества.

В период путинской реформы многие экономические индикаторы до начала нынешнего финансового кризиса шли вверх. К сожалению, причиной этого была не сама реформа, а положительная конъюнктура мирового рынка энергоносителей.

Нужна ли стране новая революция и состоится ли она в 2020 г., как намекают некоторые коллеги? Случайно или нет, они подводят это событие к концу возможной второй путинской «восьмилетки». Я однозначно убежден, что революции нам больше не нужны, и в 2020 г. ничего не произойдет. Точнее, не произойдет ничего, что поддавалось бы научному прогнозу в настоящее время.

Нужна Четвертая реформа. В институциональном плане она могла бы состоять в полной или частичной национализации нефтегазового комплекса и обращения его доходов в бюджет страны, на нужды технического перевооружения и социального, в том числе демографического, оздоровления. При этом интересы нормального (не награбленного в ходе приватизации) бизнеса и частного капитала должны быть надежно защищены. Как в интересах бизнеса, так и большинства населения, должны быть предприняты реальные шаги по искоренению коррупции, расширению демократии и реального представительства всех слоев и групп общества (кроме криминала) в органах власти. Требуется кратное сокращение численности государственных ведомств и работающих в них чиновников, особенно в субъектах РФ.

Следует кратко увеличить бюджетные расходы на здравоохранение. В сфере образования был бы полезен возврат к «советской» системе, ликвидация ЕГЭ, отказ от «Болонского процесса», ограничение заочного, особенно «дистанционного» образования, резкое увеличение финансирования государственных вузов и «бюджетных» мест для студентов. В сфере науки требуется кратное увеличение государственного финансирования на фоне ликвидации соответствующего министерства и передачи распорядительных функций самоуправляющейся организации, каковой является РАН. Среди основных долгосрочных целей Четвертой реформы — технологическая перестройка российской экономики, массовое создание образцов высокотехнологичной продукции, конкурентоспособной на мировом рынке,

снижение зависимости от экспорта энергоносителей, расширение зоны экономического влияния России, а в перспективе — и ее политического влияния, подкрепленного соответствующим уровнем обороноспособности. Увеличение государственных расходов, направляемых на решение общеизвестных социальных проблем, должно обеспечить россиянам комфортное и безопасное существование, здоровье и достаток.

Ресурсы необходимо сконцентрировать на важнейших направлениях государственной деятельности

Р.И. Нигматулин, академик РАН

Последнее время среди интеллигенции выработался такой синдром: «как все произошло?» Мне кажется, сейчас надо меньше говорить об этом. Да, антисоветизм и антикоммунизм разрушили не только сложившийся советский образ жизни, но и производственный, интеллектуальный и культурный потенциал народа. А ведь за этот потенциал было пролито много крови и пота. Самое ужасное, что произошло, — у нас стал слабый народ. Он плохо работает, и у него нет возможностей и стимулов работать хорошо.

Я сейчас читаю теоретический курс на мехмате и вижу, что студент не такой сильный и упорный, каким он был 20 лет назад. Разрушаются жизнеобеспечивающие сферы. Мы не можем производить самолеты. Это трагедия. Разрушается оборона. Приведу пример. На вооружение мы тратим около 25 млрд долл. В то же время, одна только теннисистка Мария Шарапова заключила рекламный договор на 100 млн долл.

Теперь о коррупции. Она разъела не только чиновничество, она в вузы и школы проникла.

Безусловно, нужно уменьшить растраты на роскошь богатого класса и сконцентрировать ресурсы на важнейших направлениях государственной деятельности — оборона, образование, здравоохранение, наука, культура, развитие инфраструктуры экономической деятельности, разработка новых технологий. Недопустимо, чтобы учитель получал зарплату в 7–8 тыс. руб. А в каком бедственном положении находится у нас культура! И, надо признать, то, что выделяется на развитие науки, никак не прекращает ее деградации.

Вот здесь говорилось о том, что укрепление рубля идет во вред экономике — наш товар не сможет конкурировать с импортом. Но проблема заключается в том, что у нас избыточные расходы. Рубль обязательно должен быть укреплен. Бензин, к примеру, должен стоить не 20, а 10 руб. — эта цена покрывает реальные издержки, дает нормальную прибыль (10–15%) и нормальные налоги. Нужно балансировать цены, а не бояться укрепления рубля. Серьезных вложений требует медицина. Сюда должно направляться 5% ВВП, чтобы предотвратить демографическую катастрофу.

После 2000 г. произошло не укрепление экономики, а ее деградация. Просто у нас повысилось потребление из-за того, что появились нефтяные деньги. Надо понять простую вещь: необходимо *перераспределение* доходов, без чего нам никуда не вырваться. Наши миллиардеры покупают отели, содержат футбольные клубы, строят себе гигантские яхты, а государство не может найти необходимые средства на оборону, безопасность, образование, здравоохранение, науку, культуру.

Когда начинаешь говорить о перераспределении доходов, начинают пугать раскулачиванием. Надо не раскулачивание проводить, а переходить на принятые во всем мире нормы налогообложения на большие личные доходы и богатую ответственность.

Необходимо создавать и укреплять гражданское общество. Нужна открытость.

Теперь по поводу национальной идеи. Она есть! И заключается в следующем: Отечество в опасности, Россию надо спасать! Это действительно так, поскольку мы видим деградацию важнейших отраслей России.

Нет богатых и бедных стран, есть хорошее и плохое управление

Ф.Ф. Пащенко, доктор технических наук

Доклад мне понравился. В обществе мы спорим о том, что делать или о национальной идее, которая может консолидировать общество. Но прежде чем говорить, куда надо двигаться, нужно проанализировать, что с нами, со страной произошло, где мы находимся. Сергей Георгиевич в своем докладе убедительно это показал. Что же происходило и что на самом деле происходит сегодня? Мы увидели из доклада одни потери: мы потеряли технологическую безопасность и промышленность, потеряли одну из лучших в мире систем здравоохранения...

Демографическое положение в России — катастрофическое. И это при том, что, по оценке ряда агентств и фондов, в Россию за последние 20 лет приехали около 20 млн мигрантов из стран — бывших советских республик. Переселилась большая часть русскоязычного населения Закавказья и Средней Азии. Реальная же оценка выехавших из России за рубеж — не более 5 млн человек. Что же происходит? Почему у нас ежегодно убывает миллион человек населения?

Далее. Мы говорим о модернизации. Очень хороший лозунг. Но для модернизации нужны предмет, технология, накопец, отрасль, которую требуется модернизировать. Каждый из сидящих здесь смог увидеть в ходе доклада: не осталось ничего, что можно было бы модернизировать. В 2009 г., по

официальным данным, 17% валового финансового продукта ушло за границу. Фактически этих денег хватило бы на увеличение ВВП в два раза!

Докладчик сделал блестящий анализ, и я полностью солидарен с его выводами. Но, к сожалению, в докладе не прозвучало извечное для нашего общества: что делать? Недостаточно освещены причины происходящего. Я понимаю, что реформаторы (команда Ельцин — Гайдар — Чубайс) решали задачу уничтожения основ и базиса коммунизма; но не понимаю, зачем при этом уничтожили экономику, промышленность, сельское хозяйство, отраслевую науку, образование и здравоохранение. Это что: происки стран-конкурентов? Сознательная, разрушающая собственную страну деятельность пришедших к власти людей или их необразованность и некомпетентность?

Для того, чтобы это оценить и предлагать что-то сделать, предложенный анализ нужно расширить. Наверное, в этом цель нашего семинара. Без такого анализа, без показа реальных моделей и реальных прогнозов ничего доказать никому не удастся. Не зная положения сегодняшнего состояния, нельзя сделать прогноз, куда мы попадем в будущем.

Наконец, тот вопрос, который меня больше всего волнует: что можно сделать в этой ситуации? Да, мы потеряли национальную безопасность. Хочу обратить ваше внимание на такое понятие, как «национальная продовольственная безопасность». Во всех странах мира есть ограничение на импорт основных видов продукции — продовольствия, медикаментов и т. д. В США, к примеру, импорт продовольствия не может составлять более 18%. Если цифра выше, это расценивается уже как нарушение национальной безопасности. В Европе данный показатель составляет 20–24%. Сегодня у нас в Москве по лекарствам эта цифра превышает 70%! То же самое происходит и в отношении продовольствия. И примерно такая же картина характерна для всех крупных городов и регионов.

Мы должны показывать, что не развивая свое производство, переправляя деньги в Стабилизационный фонд на Запад, мы фактически теряем их, поскольку у нас там маленькие проценты. По государственным облигациям США мы получаем всего 1,5–2%. Россия сегодня практически финансирует своих экономических конкурентов. Зато наши предприятия еще до недавнего времени могли получить кредит, в лучшем случае, под 20–25% годовых. Если посмотреть на картину инвестиций в основной капитал, то видно, что начиная с 1993 г. наша экономика ежегодно недополучает 40% инвестиций. Не поддерживая свою экономику, мы никогда не перейдем на инновационный путь развития.

И последнее, если придерживаться рамок доклада. Срочно нужно что-то делать в управлении. Не только власть должна влиять на процессы в государстве, но и общество. Более того, необходим механизм влияния общества на власть. Власть должна быть подотчетна обществу. Без ответственности власти никакого продвижения не будет. Сегодня у нас нет никакой обратной связи между обществом и властью. Более того, мне кажется, что у нас, у общества, одни цели, а у власти совершенно другие.

Сегодняшнее обсуждение меня убедило, что это так. Нужно создать механизм, который привел бы к консолидации, к развитию этой обратной связи, созданию таких систем принятия решений, которые могли бы позволять обществу воздействовать на власть. 2009 г. показал, что несмотря на кризис, такие страны как Китай, Индия или даже европейские страны, прибавили ВВП, в Сингапуре и Тайване рост ВВП составил 20%. ВВП России понизился, по официальным данным, на 8,7%. По темпам развития и уровню жизни населения мы находимся на последнем месте в двадцатке экономически развитых стран. По уровню жизни РФ уступает Республике Беларусь, странам Прибалтики и Казахстану, мы до сих пор не достигли уровня 1990 г. И это несмотря на то, что Россия обладает богатейшим ресурсным и интеллекту-

альным потенциалом. Это свидетельствует о нашем плохом управлении страной. Можно сказать, что нет богатых и бедных стран, а есть хорошее и плохое управление.

Идеология и наука — это разные форматы теоретических интерпретаций

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Где-то с середины 1980-х гг. я постоянно участвую в политических дискуссиях: сначала с представителями правящей, а потом и с разными другими партиями. Так что все разговоры о том, что «мы на краю пропасти», «кругом враги» и «заговоры», что у нас «все плохо», а будет «еще хуже» и т. п. выработали у меня стойкий иммунитет. В первую очередь по причине того, что такие разговоры в основном ведутся под идеологическими, а не научными знаменами и потому не могут предложить ничего, кроме эмоционального возбуждения. В любом случае такие тексты создают совершенно неадекватную картину происходящего.

Как мне видится, и в прозвучавшем сегодня докладе очень много — несмотря на приводимые цифры и графики — политической риторики, а не научного анализа. Даже языковые концепты (рабочий класс, русская идея, гибель либерализма и проч.) во многом свидетельствуют об идеологических источниках выступления. Впрочем, более важно то, что за многими прозвучавшими сегодня тезисами ощущается глубокое недопонимание природы современного государства и механизмов управления этим институтом. Поэтому многие факты обретают не вполне адекватную интерпретацию, а рекомендации и вовсе повисают в воздухе.

К примеру, как можно констатировать, что в стране «много либерализма»? Да его днем с огнем не сыщешь! И то, чем

занимаются высшие сегменты правящего класса, либерально ориентированной практикой тоже назвать затруднительно. Или взять прозвучавшую в одном из выступлений реплику о засилье цэрэушных советников при Ельцине, что, мол, и послужило причиной «развала страны», осуществления «предательской политики» и т. д. Но понятно же, что система государственного управления переходного государства — в том числе и России — никогда не обладала моноцентрическим характером. Поэтому федеральные органы власти (включая Президента) могли контролировать только часть управленческих площадок. И в этом смысле все мы прекрасно помним: на фоне традиционного для страны неисполнения законов Ельцин со своими указами зачастую вообще не мог оказать никакого реального регулирующего воздействия на те или иные стороны общественного развития. Более того, конспирологические стереотипы заставляют их носителей усматривать «руку Запада» в любых рыночных реформациях. Одним словом, за многими прозвучавшими сегодня тезисами, на мой взгляд, таится содержание, которое просто надо интерпретировать иначе — рационально и без всяких ментальных и идеологических предустановок. Если совсем коротко, то нужно превращать события в факты на основе рационально-логических, а не вкусовых интерпретаций.

Идеологический дискурс обычно оперирует только одним термином — «государство», который используется для оценки самых разнообразных политико-административных процессов. Но для научного подхода такое когнитивное расширение понятия недопустимо. Более того, чтобы делать какие-то прогнозы и давать рекомендации, нужно отчетливо видеть многоуровневый характер и государственного управления, и структурные особенности механизмов, обеспечивающих принятие государственных решений. Разные явления означают, что у каждого из них свой тип реакции на внешние и внутренние вызовы, свои многочисленные факторы и условия функционирования. Поэтому, к примеру, такие факто-

ры, как глобализация, развитие трансграничных рыночных структур, расширение мультикультурных коммуникаций и проч. могут активно влиять на Российское государство; но, в тоже время, на политическую систему общества эти же факторы будут оказывать несравнимо меньшее воздействие. А на правящий режим — и, тем более, на систему принятия политических решений — их влияние будет другим и менее заметным. Другими словами, государство может трансформироваться, а система принятия решений в это же время будет оставаться прежней. Понятно, что работают и обратные зависимости.

Другой, не менее значимый момент, который должен адекватно отражаться при исследовании любых управленческих процессов: современное государство сегодня уже не может развиваться как автономная структура, это продукт совместной эволюции аналогичных мировых структур. Правда, уровень зависимости у каждого государства от трансграничных и международных порядков разный. И наше — слабое, по сути — государство испытывает совсем иное давление, нежели другие, более сильные политические структуры, и потому управленческие процессы и механизмы у нас трансформируются тоже иначе. Но, в любом случае, эти явления надо исследовать (и видеть не только минусы, но и плюсы данной стадии эволюции), а не драматизировать и уж тем более не опускаться до конспирологических объяснений. И даже если мы сожалеем, что наша сырьевая экономика (втянутая в глобальные процессы) безнадежно отстает от мировых лидеров, то нам надо Бога благодарить за то, что наша нефть кого-то еще интересует. И стараться использовать это золотое время для структурной перестройки экономики.

Понятно, таким образом, что от четкости понимания объекта, о котором мы говорим, и зависят ответы на вопросы: что нужно делать в первую очередь для того, чтобы реформировать управленческие структуры? Как добиться направленных подвижек в развитии государства и общества? Так

что все абстрактные рассуждения о государстве как таковом и попытка описывать его динамику (и характер управленческих структур) при помощи понятий, отражающих иную историческую эпоху, никогда не смогут привести к успеху.

Высказанная в ходе дискуссии мысль, что с социально-экономической точки зрения путинский режим породил систему расширенного воспроизводства высшего класса, как раз и свидетельствует о том, что институты исполнительной власти, в конечном счете, работают на совершенно определенный социальный сегмент общества. Поэтому в первую очередь переориентировать нужно именно этот профиль деятельности институтов власти и управления, а не какие-то иные структуры и процессы государства. А для этого необходимо четко, без иллюзий понимать, какие общественные силы и, самое главное, каким образом смогут это сделать. Повторюсь: этого не получится, если абстрактно ставить вопрос о Российском государстве (и тем более о каких-то выборочных социально-экономических характеристиках его деятельности). И может даже получиться, что предлагаемые меры никак не затронут стиль деятельности правящего режима, и мы в конечном счете ничего не добьемся, а только усугубим ситуацию. И уж тогда обществу точно не помогут ни форсированное развитие сельского хозяйства, ни оживление тракторостроения, ни какие-то иные победы в промышленном секторе.

Другими словами, куда как полезнее не вспоминать о прошлых победах наших тракторостроителей, а точно констатировать, что нынешний режим легализовал систему перераспределения общественных ресурсов в пользу корпоративных (внутриэлитарных, групповых) интересов.

Каков же может быть рецепт для изменения ситуации? Факты новейшей политической истории свидетельствуют о том, что смена одной правящей группировки другой не ведет к принципиальному изменению сложившейся ситуации. В самом общем виде понятно, что для такого рода транс-

формаций нужно обеспечить должную транспарентность управленческого процесса, создав при этом возможность вмешательства низших политических структур в принятие решений. Это основа для устранения преимущественного права политико-административных коалиций на перераспределение общественных ресурсов, условие для строительства новых управленческих взаимосвязей. И если общество не возьмет эти структуры под свой контроль (косвенный или прямой), то переток ресурсов в сторону верхних слоев социальной стратификации так и сохранится.

Перспектива достаточно очевидна, и эта общая диспозиция, казалось бы, не должна вызывать сомнений. Однако и здесь слышатся нотки, замешанные на мотивах неизбежного отечественного «коллективизма», «русской идеи», «соборности» и проч. И идеологический подход вновь коверкует реальную ситуацию. Я не хочу останавливаться на оспаривании всех этих почвенных идей (о чем уже более чем достаточно говорилось на предыдущих семинарах), но подчеркну один действительно тревожный, с моей точки зрения, момент. Речь о том, что, к сожалению, сегодня даже у социально равнодушных представителей отечественной интеллектуальной элиты сохраняются какие-то архаичные представления о государстве, демократии, правах человека, перспективах развития мира и российского общества. И такие консервативные традиции, затмевая способность реалистического восприятия действительности, создают многочисленные интеллектуальные ловушки, которые, как черные дыры, поглощают позитивную энергию гуманитарного дискурса.

Даже динамика восточных обществ показывает, что при всей самобытности национальных судеб их базовые тренды демонстрируют — пусть и неторопливое, но неуклонное — возрастание роли человека, индивида, гражданина, личности, увеличение его социальных презумпций в диалоге с государством и обществом. Эта линия, кстати говоря, задавалась и религиозной традицией. Вспомните хотя бы Евангелие,

где провозглашается отказ от приоритета народных судеб в пользу индивидуальных связей человека с Богом. Одним словом, для меня удивительна способность многих наших интеллигентов бравировать воззрениями, отражающими на самом деле маргинальные процессы и тенденции. С такими подходами новую парадигму общественных трансформаций уж точно сформировать невозможно.

Но продолжу все же по теме семинара. Так вот, базовые, принципиальные воззрения о создании общей — в том числе и концептуальной — конструкции перемен должны непременно дополняться конкретными моделями, в свою очередь предполагающими столь же определенные реформаторские акции. Другими словами, нужно понимать, какую конкретную модель парламентско-президентской или парламентской системы власти необходимо формировать в нашем обществе, чтобы выстроить правильные (т. е. «заточенные» под интересы общества, гражданских структур) отношения между элитарными коалициями в целях качественного обновления системы государственного управления. Стоит подчеркнуть, что от выбора той или иной разновидности модели власти зависят конкретные формы организации госбюрократии, механизмы трансформации кадрово-организационных структур управления, технологии элитарного рекрутинга, способы включения гражданской экспертизы, меры общественного контроля и проч. В то же время, опора на любые другие, в том числе «отечественные» конструкции власти, к примеру, закрепляющие позиции «прогрессивного лидера», воплощающие идеал соборности, лояльно относящиеся к промышленной политике и проч. (но за которыми во всех вариациях стоит идея укрепления централизованной государственной власти), неизбежно приведет к клонированию авторитаризма. А уж этими ремейками наше население сыто по горло.

Коротко говоря, апелляция только к доктринальным конструкциям (тем более, идеологического толка!) без выхода

на конкретные мероприятия реформ (с учетом всех их организационных, кадровых, технологических составляющих) не даст никакого видения нужных обществу перемен. Упусти здесь хотя бы один момент (к примеру, сохранив прежний состав высшей и средней части корпуса госчиновничества, являющегося плотью от плоти представителями углеводородного комплекса), и никаких изменений можно попросту не дожидаться. Даже в том случае, если у общества будут и «национальные» концепции, и сознание превосходства наших ментальных структур над всякими там англосаксонами.

Заключая, еще раз скажу, что в докладе С.Г. Кара-Мурзы — да и в дальнейшей дискуссии — мне не хватило предметности, научной строгости анализа. Очень уж идеологизированный разговор получился. И потому отчасти даже романтический. Это я к тому, что надо не «разговаривать с обществом», не плакать вместе с ним, а показывать те возможности и инструменты, которые могут изменить ситуацию. Экспертное слово дорогого стоит, и произносить его — значит не просто давать людям надежду и уверенность, что ситуацию можно выправить, но и показывать пути такой перестройки. Это Герцен мог говорить о себе и своих соратниках, как о выразителях народной «боли». Интеллигенция того времени и должна была заражать общество умными протестными эмоциями. Но сейчас время другое. И нам не пристало только сострадать своему народу.

Заключительное слово докладчика

С.Г. Кара-Мурза

А.И. Соловьев в своей горячей, взволнованной речи поднял фундаментальные вопросы. Такое выступление мало кого оставит равнодушным. Общий смысл его речи можно свести к следующему: если Россия не станет такой, как Запад, а народ не распадется на «свободных индивидов», то она должна погибнуть. Это мнение ошибочно, что и показывает история.

Запад — это уникальная, специфическая, сравнительно небольшая часть человечества, которая создала мощную, энергичную, склонную к экспансии цивилизацию, неспособную существовать без тех «незападных» обществ, что ее окружают. Если все станут такими, как Запад, человечество просто пропадет. Александр Иванович предлагает ту же утопию, что и Маркс в свое время, но эта утопия несбыточна. Даже Японию, строго говоря, нельзя считать либеральной капиталистической страной. Они сами называют свой строй «конфуцианским капитализмом», который очень сильно отличается от англосаксонской модели.

Да, людям русской культуры твердят, что они должны отказаться от своей цивилизационной идентичности, стать «свободными индивидами» и влиться в периферийную зону западного капитализма. С 1990-х гг. власть пыталась этого добиться практически. За 20 лет, что длился эксперимент, можно сделать вполне надежный вывод, что это не удалось и не удастся. Но Александр Иванович предлагает идти по тому же пути и дальше. Замечательная верность идеалам, такие философы редко встречаются.

А.И. Соловьев сказал, что тексты, подобные моему докладу, «создают совершенно неадекватную картину происходящего». Каковы же основания для такого тоталитарного вывода? Как выразился коллега, он давно «участвует в по-

литических дискуссиях, поэтому разговоры о том, что «мы на краю пропасти» выработали у него стойкий иммунитет». Этот довод рациональным считать нельзя, поскольку он основан не на анализе реальности, а на анализе раздражения от неприятных для самого Александра Ивановича «разговоров». Это — аллергия, вредная разновидность иммунитета. Не следует ей поддаваться.

В докладе приведено два десятка фактов как элементов «картины происходящего». Этих фактов Соловьев не оспаривает, это было бы совсем уж странно. Он не согласен с их интерпретацией. Он сделал бы конструктивный вклад в понимание «происходящего», если бы дал свою интерпретацию представленных фактов — ту, которую он считает правильной. Но эти факты коллега просто игнорировал, назвав их несущественными. На мой взгляд, эта позиция несостоятельна.

В докладе сказано: «Было принято политическое решение о выборе *радикальной* доктрины, ее реализация в полной мере началась после ликвидации СССР. В РФ первый этап реформ был проведен правительством под руководством Е.Т. Гайдара...» Что здесь «совершенно неадекватного»? Мой оппонент видит неадекватность в следующем: «Ельцин со своими указами зачастую вообще не мог оказать никакого реального регулирующего воздействия на те или иные стороны общественного развития».

Логику этого довода принять никак нельзя. Да, «зачастую» Ельцин «на те или иные стороны» воздействия не оказывал. Разве поэтому мы не можем рассматривать другую категорию явлений — тех, на которые Ельцин оказал воздействие? Например, Ельцин запретил приватизировать здания детских садов, но их приватизировали. На эту «сторону общественного развития» его Указ воздействия не оказал. А на приватизацию промышленных предприятий оказал, и его воздействие налицо. Как и на ликвидацию колхозов или на залоговые аукционы. Странные у А.И. Соловьева методологические установки.

Он отвергает доклад и дискуссию на основании того, что они якобы «ненаучны». Что это такое, на каких весах он взвешивает, какими гирями? Что ненаучного в графике динамики производства тракторов или поголовья крупного рогатого скота? Пусть бы он предложил истинно научный метод представления этой стороны реальности России. Из его выступления нельзя вывести внятные представления индикаторов и критериев научности. Поэтому его квалификация доклада в качестве «беспредметного и ненаучного» воспринимается как ярлык, которым затыкают рот оппоненту. Да и ярлык какой-то простодушный.

Наконец, скажу о важном указании А.И. Соловьева из области действительно ненаучной, но важной: «Надо не “разговаривать с обществом”, не плакать вместе с ним... Нам не пристало только сострадать своему народу».

Не ожидал я услышать такое от философа. Да почему же нам не надо «разговаривать с обществом»? Как может без этого возникнуть какое-то «дело»? И почему нам не надо «плакать вместе с ним», если наше родное общество страдает и «плачет». Разве мы не часть его, разве оно состоит не из «нас и наших близких»? Можно было бы понять, если бы Александр Иванович сказал: не разговаривайте и не плачьте с тем обществом, бросьте его и переходите на нашу сторону.

Это было бы разумное предложение, каждый мог бы подумать и принять решение. Но ведь он и себя причисляет к этому обществу — или это такой риторический прием? Он говорит: «Нам не пристало только сострадать своему народу». Оговорка «только» тут неубедительна. Сострадание — это действие, и нельзя сказать, что наша гуманитарная элита демонстрирует избыточное сострадание своему народу, скорее совсем наоборот.

Пройдусь по остальным выступлениям. В.Н. Лексин сказал, что нужны новые индикаторы. Это очень хорошо. Действительно, обязательно нужны, совершенно срочная задача. Пока что она ставится неверно, сам подход к созданию ин-

дикаторов таков, как будто стоит задача, чтобы они обошли главные противоречия, которые разрывают общество.

Прозвучало высказывание Ю.А. Плакиткина о том, что советская экономика — это моноэкономика, которая была очень чувствительна к колебаниям цен на нефть. На самом деле советскую экономику критиковали как автаркическую экономику, критиковали за то, что она была самодостаточна. Возьмите 1985 г. В РСФСР оставалось для внутреннего потребления по 2,5 т нефти на человека. В 2008 г. — по 900 кг. Для экономики это колоссальная разница. Сейчас мы стали не просто зависимыми от внешнего мира, мы изымаем жизненные ресурсы, необходимые для существования и воспроизводства собственной страны и ее населения.

Если мы возьмем все кризисы мирового рынка, которые произошли в XX в., и наложим на них динамику сотни главных индикаторов, характеризовавших экономику СССР, то увидим, что советская экономика была очень *устойчива* против этих внешних кризисов. А если говорить о 1980-х гг., то кризис уже вызрел, но еще не в сфере хозяйства. А «пустые прилавки» — это уже феномен реформы, это результат действий правительства Н.И. Рыжкова, которое разрушило финансовую систему, устроенную в СССР очень специфическим образом. Одновременно устранили монополию на внешнюю торговлю при полном диспаритете внутренних цен и цен мирового рынка. На многих заводах вся продукция сразу же стала уходить на внешний рынок. Это было одним из инструментов разрушения системы и создания того хаоса, который позволил и СССР ликвидировать, и приватизацию осуществить.

Было сказано, что за время реформ появились новые структуры, новые институты. Но эти институты — не элементарные структуры, на которых непосредственно стоит жизнь общества. Элементарные структуры — это предприятие, школа, энергетическая система, транспорт и т. д. На них и в советское время можно было бы надстраивать новые

структуры, если бы не этот кризис. Эти структуры совместимы с разными формациями, в том числе и с советской. Чаянов показывал, что очень многие хозяйственные системы прекрасно входят в симбиоз с различными формационными матрицами. Если бы СССР пережил мировоззренческий кризис, связанный с глобализацией, подрывом оснований легитимности страны в связи с произошедшим в 1960–70-е гг. изменением культурного типа, то он бы с помощью средств, которые были выкачаны в период 90-х гг. из всех систем жизнеустройства, достиг бы очень высокого уровня развития и качества.

Мы просто не представляли себе, какой эффективностью обладали некоторые системы, изобретенные еще в дореволюционное время и позже. Это и Единая энергетическая система, и система железных дорог или промышленное предприятие, где совмещался быт с производством, что неприемлемо для капитализма. Или взять науку, где оснащенность одного исследователя приборными мощностями была в то время в 200 раз ниже американской. И, тем не менее, советская наука обеспечила паритет с США в системах вооружения. Советская школа была исключительно дешевой, но она была аристократической, стоящей на университетской культуре. На Западе такой тип образования давался лишь в закрытых, элитных школах. А у нас оно существовало для всего населения СССР. Можно сказать, что мы войну выдержали потому, что такая школа была.

Нас ждут тяжелые испытания, и нам говорят, что нет уже в России бескорыстных людей, способных мобилизоваться, чтобы выйти из кризиса. Это неверно. Сверхусилие ради спасения страны приносит счастье. Это известно из истории. Разве в революции альтруизм движет людьми? Нет, революция — это спасение мира, а не доброе дело ближнему. Нынешние студенты это уже чувствуют и даже начинают понимать, пусть в знании учебных предметов они и откатились назад.

В.Э. Багдасарян сказал, что у реформаторов 90-х гг. была доктрина, и она выполнена. Да, в каждом обществе, в каждом народе в любой момент времени есть некоторое сознательное меньшинство, ненавидящее политическую систему, общественный строй или даже свою страну. Есть и преступники, готовые воспользоваться хаосом, чтобы обобрать государство. Мы не о них говорим, эти соображения мы сейчас отсекаем. Мы должны понять, как могла значительная часть интеллигенции, в том числе партийной, попустительствовать этой доктрине и даже в значительной степени поддержать ее? Вот в чем проблема. Повидимому, здесь есть какой-то глубинный дефект всей нашей цивилизационной конструкции, из-за которого Россия периодически переживает кризис самоотречения.

Тем не менее, мы вылезаем и из этой ловушки. Конечно, никаких гарантий спасения у нас нет, но нет и ощущения фатальной неизбежности провала. Нас поднимают очень большие силы.

Я считаю, что моральный подъем превалирует над моральным отчаянием. Россия не выжила бы в 90-е гг., если бы люди не поддерживали друг друга и не вели перераспределение доходов через теневые, неформальные и порой даже преступные каналы.

В ходе дискуссии говорилось, что реформа была революцией. Я считаю, что это действительно была революция с большой мессианской идеей, но революция регресса, разрушительная революция. Сейчас важно проанализировать суть главных проявлений, а не спорить о частностях.

Говорилось также, что мы имеем выходящую из кризиса рыночную экономику. Мне кажется, это во всех отношениях слишком оптимистическое мнение. От того, что, скажем, Дерипаска был назначен владельцем алюминиевых заводов и произведенный алюминий отправляется за рубеж, а не распределяется Госпланом в России, экономика не становится «рыночной». Для этого люди должны проникнуться ощущением, что они — товар.

Я бы сказал метафорически так: сейчас у нас советский строй, в котором наверх поднялось криминальное и теневое антицивилизационное дно. Вот кто сейчас господствует. И это дно в принципе не может вывести наше общество из кризиса.

В России произошла смена культурно-исторического типа. Люди старого типа, которые трудились, воевали, доверчиво ко всему относились, оказались загнанными в катакомбы. А люди нового типа потенциалом развития не обладают, они не желают трудиться. Поднявшиеся наверх новые люди не любят производство и вообще созидательный труд. Этот новый тип нежизнеспособен, не имеет корней. Наша национальная задача — вытеснить его обратно, в ту нишу, которая не создает условий для его расширенного воспроизводства. Это можно сделать и мирным путем.

**Тематическая программа научного семинара
«Проблемы современного государственного
управления в России» на 2010 г.**

1. О типе современной модели России: реконструкция облика и причинности
2. Процессы формирования правящей элиты в механизмах государственного управления в России
3. Коррупционное и квалификационное «поражение» государственного управления в России: возможные управленческие алгоритмы самоочищения и восстановления кондиций системы
4. Эволюционные и реформаторские нереволуционные схемы изменения государственно-управленческой парадигмы
5. Государственное управление и реализация общественных интересов: проблемы и противоречия публичной политики
6. Центр и регионы в системе государственного управления: состояние и тренды
7. Проблема научности государственного управления и профессионализма в деятельности российских чиновников
8. Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия — Китай
9. Идеология и структура федерального бюджета России, как отражение социально-экономической модели России
10. Конфликт субъективно-ситуативного характера российского политико-административного режима и требований государственно-управленческой науки: сценарии развития
11. Альтернатива современной геостратегии России: выбор между Западом и Востоком

Список постоянных участников научного семинара «Проблемы современного государственного управления в России»

- Андреев Андрей Леонидович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН
- Багдасарян Вардан Эрнестович**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса
- Вилисов Максим Владимирович**, кандидат политических наук, заместитель генерального директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Воронин Геннадий Петрович**, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, президент Всероссийской организации качества
- Гаман-Голутвина Оксана Викторовна**, доктор политических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ, вице-президент Российской Ассоциации политической науки
- Дербин Евгений Анатольевич**, доктор военных наук, начальник кафедры информационной безопасности Военной академии Генерального штаба ВС РФ
- Исаков Владимир Борисович**, доктор юридических наук, профессор, вице-президент ТПП РФ
- Касьянов Павел Владимирович**, доктор экономических наук, зам. руководителя Centre for Change (Австралия)
- Кашепов Алексей Владимирович**, доктор экономических наук, профессор РАГС при Президенте РФ
- Клейнер Георгий Борисович**, член-корреспондент РАН, зам. директора Центрального экономико-математического института РАН
- Клюев Николай Николаевич**, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН
- Лексин Владимир Николаевич**, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

- Медушевский Андрей Николаевич**, доктор философских наук, профессор, Государственный университет — Высшая школа экономики
- Нигматулин Роберт Искандерович**, академик РАН, член Президиума РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова
- Пащенко Федор Федорович**, доктор технических наук, зав. лабораторией интеллектуальных систем управления Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН
- Плаkitкин Юрий Анатольевич**, доктор экономических наук, зам. директора Института энергетических исследований РАН
- Сильвестров Сергей Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института экономики РАН
- Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Сулакшин Степан Степанович**, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, профессор РАГС при Президенте РФ
- Федосов Петр Анатольевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН
- Шабров Олег Федорович**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и политического управления РАГС при Президенте РФ
- Якимец Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, кандидат технических наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН, профессор МФТИ
- Якобсон Лев Ильич**, доктор экономических наук, профессор, первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики
- Якунин Владимир Иванович**, доктор политических наук, научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Приглашаем к сотрудничеству!

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — современная динамично развивающаяся научно-экспертная и проектная организация. В Центре накоплен существенный практический опыт, кадровый потенциал и осуществляются не только фундаментальные разработки. Специалисты Центра успешно организуют и проводят научно-прикладные исследования и оказывают консалтинговые услуги в следующих сферах:

1. Разработка проектов нормативных правовых актов, в том числе концептуального, доктринального и программного характера, федерального, регионального и местного уровня.
2. Актуальное и проблемное информационно-аналитическое обеспечение деятельности руководства органов государственной власти, коммерческих организаций.
3. Управленческое и правовое консультирование по вопросам технического регулирования, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере технического регулирования.
4. Управленческое и правовое консультирование по вопросам интеллектуальной собственности, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере охраны интеллектуальной собственности.
5. Прикладные научные исследования в сфере экономики, права, управления.

Работы выполняются на основе собственных оригинальных методологий, пользуются спросом более чем в 20 странах мира.

Научный руководитель Центра — доктор политических наук В.И. Якунин.

Возглавляет Центр доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор С.С. Сулакшин.

Центр заинтересован в творческих заказах, приглашает к сотрудничеству и партнерству.

Наш адрес:

107078, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5).

Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09,

www.rusrand.ru; e-mail: frpc@cea.ru

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ**

*Материалы постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 1 (31)

Редактор *Ю.Е. Мешков*

Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*

Художественное оформление *С.Г. Абелина*

Компьютерная верстка *О.П. Максимовой*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:

107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

Сдано в набор 05.04.2010 г.

Подписано в печать 07.04.2010 г.

Формат 60×90^{1/16} Усл. печ. л. 6.

Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»

Тираж 500 экз. Заказ 495